

18+

ЕЛЕНА БУЛУЧЕВСКАЯ

Мир меняющие. Один лишь миг

КНИГА 2

Елена Булучевская

**Мир меняющие. Один
лишь миг. Книга 2**

«Издательские решения»

Булучевская Е.

Мир меняющие. Один лишь миг. Книга 2 / Е. Булучевская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850889-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Они
смогли изменить Мир. Они смогли остановить нашествие зла. Но зло не
дремлет и пытается взять реванш. Кто теперь сможет измениться ради вас?
Кому подвластно спуститься в бездну?

ISBN 978-5-44-850889-9

© Булучевская Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Начало пути	6
Глава 2. Роковой гость	13
Глава 3. Похищение	16
Глава 4. В песках	18
Глава 5. Попутчик	25
Глава 6. Редкий товар	28
Глава 7. Торг уместен	32
Глава 8. В покоях Благословенного Олафа	36
Глава 9. Иллюзии и сила красоты	41
Глава 10. Слова и искушения	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мир меняющие. Один лишь миг

Книга 2

Елена Булучевская

© Елена Булучевская, 2017

ISBN 978-5-4485-0889-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало пути

Слабый свет костра едва пробивался между плотно растущими стволами деревьев. Лес на Речном перекрестке стоял нешуточный – каждое дерево не обхватить троим взрослым, взявшимся за руки – и рос так плотно, что в полдень даже было сумрачно на его тропках. В чахлом подлеске выживали только трава и мелкие кусты, да и те росли блеклыми, судорожно вытянувшимися в хилой попытке поймать хоть лучик света. И по этой причине в лесах Речного перекрестка зверье сновало непуганое, людей не боялось – мало, кто осмеливался прогуляться по тайным тропинкам этой густой чащобы. А сейчас творилось невиданное – кто-то осмелился углубиться в лес, да еще и костер запалить.

Рядом с костром трапезничали двое путников. Одна из них, потрянув рыжей гривой, подвинулась поближе к огню, пошевелив прутиком угли:

– Вальд, сейчас самое время решить – куда мы дальше двинемся. А то уезжали впопыхах и до сих пор непонятно – то ли поедем к Диким через Крогли, то ли сразу наобум в Пещеру Ветров – она-то тут рядом совсем. Только страшновато как-то в нее лезть, особенно после твоих рассказов. Да и не только, про эту Пещеру, наверное, вся Зория знает – даже я про нее слышала, когда среди чужих жила.

Спутник рыжей девушки развязал косынку, туго стягивающую темные волосы, которым не мешало бы быть покороче, бросил косынку рядом, потянулся. Поставил пустую тарелку возле себя, сыто прикрыл глаза:

– Стела, ты как так долго смогла там прожить – у тебя терпения нет совершенно. Я же тебе еще тогда, когда выезжали, сказал, что думать буду. Вот я и думаю, куда нам дальше. Если бы не этот праздник в честь бла-бла-бла десятилетия победы над хроновым воинством, мы бы могли заехать в Елянск – это самое безопасное направление, там можно и помощи попросить. Только вот если бы не праздник, может быть, мама бы не пропала, – помрачнел он.

– Ты себя послушай. Сам бла-бла-бла. Если бы да кабы... Ты это так подумал? Я тебя почти не знаю – только знаю, что ты мой кровник и не можешь мне врать. Что ты еще не можешь? Думать? О чем? Какая тут безопасность? Ты выбрался из Пещеры Ветров, когда был еще ребенком, ты видел хроновых драконов и уцелел, ты не побоялся стащить у них ключи! И ты будешь мямлить о безопасности, когда твоя мать у Хрона? Если бы я хотела прогуляться, я бы выбрала другого сопровождающего и другую дорогу. Да, в конце-то концов, я лучше бы осталась – там же Кир! Я вот как думаю. Мы хотим попасть в хронилища, так? Соваться в Пещеру наобум глупо – и сами пропадем, и помочь никому не сможем. За советом и помощью обращаться здесь некуда и не к кому – значит, что? Значит, едем через границу к Диким, и ищем следы тех, кто поклонялся Тайамант.

– А зачем ты меня вообще спрашивала, если у тебя план уже готов?

– Ну, ты же обещал подумать!

Вальд поднял руки вверх, в шутовском жесте примирения:

– Сдаюсь, сдаюсь!

Стела кинула в спутника подвернувшуюся под руку шишку и попала в плечо.

– Ай! Зачем ты это сделала?

– А чтобы не считал себя умнее всех.

– А логика где? Сама же сказала, что я еще ребенком был достаточно умным, да и вырос – вроде и не поглупел.

– Ну, тогда мозг включай почаще.

– Все-все, убила. Не буду больше. Пора бы и отдохнуть, а с восходом двинем дальше?

– А смысл был тогда нам с праздника удирать впопыхах? Могли бы и на перинках во Дворце выспаться, а поутру отправиться кучей снаряжения и едой. А не так, как мы сейчас.

– Нас бы одних не отпустили. Отправили бы всю мирскую армию – кроме тех, кто на воротах и границах. И представь, как Хрон обрадуется, когда мы ему такую кучу ушей почти на тарелочке приведем, останется только их обрезать, да сложить аккуратной кучкой. Мир остался бы почти без охраны. И Кир, и Мирра, и Марк, Лентина с Люком – все бы собрались. И кастыри бы совет открыли, и советовались бы там сто часов. А нам эта толпа зачем? Мы с тобой потихоньку, полегоньку, как мышки и через границу просочимся, и в хранилища через черный вход попадем. Сейчас Межсезонье – погода благоприятная, а после празднования Новолетья, так вообще дня три свободно на дорогах будет. Вот я как думал. Возле Торговища миряне беспрепятственно могут в Дикие земли проехать – в любой из сезонов.

– А, тогда твой план можно признать хорошим. Дежурить будем?

– А зачем? Все честные миряне и не очень – сейчас в городах на празднике. Зверье нас возле костра не тронет. Спать осталось не очень долго. Для перестраховки только что, чтобы костер не погас. Ложись, я первый покараулю. Уговорила, красноречивая, – подмигнула.

– Хорошо.

Девушка улеглась рядом с костром, повозилась немного, устраиваясь удобнее, пригласила и потихоньку засопела, засыпая.

Рассвет застал Вальда и Стелу в пути. После изгнания темнобородого время выровнялось, дневные светила неторопливо всходили на небосклон, вытесняя мрак ночи и заливая мягким светом Зорию. Так и было сегодня. Воздух пах так, как только может пахнуть ранним утром в теплый сезон – свежестью, зеленью и прохладой. Высоко-высоко в чистом небе мелкой мошкаркой виднелись утренние птицы. Дорога мягкой пылью простиралась под копытами, торопя вперед. Ближе к полудню всадники устроили привал возле шумного ручейка, отдохнув и перекусив, затем поспешили дальше. Светила уже закачивали свой светоносный путь, когда вдалеке показалась Часовая башня Турска.

– Мы в город заезжать будем? – на ходу спросила Стела.

– Нет, там сейчас везде бурная деятельность – Турск восстанавливают. Нам туда незачем.

– Если не останавливаться, то к закату мы будем в Торговище. Там-то хоть остановимся? У меня уже спина и все, что ниже ее, отваливается.

– Хорошо, там заночуем. Само Торговище хоть и закрыто сейчас, там всегда найдется, где переночевать и запасы пополнить.

Уже почти совсем стемнело, когда усталые путники спешили возле запертых парадных ворот Торговища. Рядом темнела приоткрытая дверца обычного входа. На стук вышел дородный купец, осветив молодых людей светом чадившего факела:

– Вечер добрый. Куда путь держите?

– И вам добрый. Нужно попасть в Дикие земли, да ночь застала в пути, решили у вас ночлега просить, – ответил Вальд за обоих.

– Ночлег вам предоставим, конечно. Входите, входите, время позднее, не гоже это – держать усталых странников на ногах за дверями.

Вальд и Стела переглянулись – такое безоговорочное гостеприимство поражало. Оба не слишком часто путешествовали самостоятельно, и не были близко знакомы с вечными странниками – купцами, теми самыми, что покоряли неведомые земли, путешествуя по всей Зории, и не задавали лишних вопросов.

За Торговищем присматривала семья Пергани: отец – достопочтенный купец Азель, супруга его Марьями, их трое сыновей – Корд, Бардем и младший Солгар, да дочь-последыш Зидона, которую братья ласково дразнили «Полденьги». Пергани проживали рядом с закрытым Торговищем до наступления Ярмарки. Лихорадка странствий, бродившая у купцов в крови, не обошла своим вниманием и это дружное семейство, но выход эта страсть находила лишь тогда, когда открывалось Торговище, и съезжались купцы, торговцы из Диких земель и покупатели со всей Зории. Тогда семейство сдавало свои дела устроителям Ярмарки

и разъезжалось кто-куда в поисках редкостей, пока в их услугах вновь не оказывалось нужды. Сейчас до Ярмарки оставалось еще достаточно времени. Купцы встречали всех, кто отправлялся в Дикие земли и не препятствовали никому с добрыми намерениями отправлявшемуся в путь. Если же кто собирался вчинить козни, будь то мирянин или чужеземец, тогда своими силами – благо их хватало у мужской половины семейки – задерживали подозрительную личность и спешно вызывали весовщиков из близлежащего Елянска. А уж методов хватало – чтобы уличить злодеев.

Пергани предоставили усталым путникам все удобства своего жилища. После омовения и отдыха пригласили к щедро накрытому столу. Семья купцов отбывала ко сну рано, но не сегодня. В честь прибытия неожиданных гостей, все были в сборе в ярко освещенной столовой. Отец представил своих отпрысков поочередно, когда дошла очередь до дочери, он ласково потрепал девчущку по мелким черным кудряшкам:

– А это наша младшенькая, Зидони.

Кто-то из сыновей шепнул в сторону:

– А зовут ее Полденьги.

Сыновья захихикали. Отец шикнул на своих великовозрастных чад, отвесив тому, что сидел с краю, его вроде бы звали Бардемом и он был средним по возрасту, но не по росту, полновесный подзатыльник.

– Вот стервецы, задразнили малышку! – извиняясь, пробасил достопочтенный купец.

Стела и Вальд переглянулись. Семья внушала доверие и какую-то надежность, что ли. Отец – дородный, с шапкой седых мелких кудрей, крупная голова, уши, крепко прижатые к черепу – как у профессиональных борцов, что выступают на празднествах, руки мускулистые, лицо подвижное и открытое. Глаза, глубоко сидящие во впадинах, умно поблескивают из-под нависающих кустистых бровей. Нос – тонкий, с небольшой горбинкой, слегка длинноват, немного нависая над тонкими обескровленными временем губами, обычно крепко сжатыми. Купец слишком многое видел и узнал за время, отпущенное ему Семеркой, чтобы удивляться чему-то. А повидал купец уже шестьдесят с четверкой Новолетий. Сегодняшние гости заинтересовали его, но не встревожили. Поэтому страж Торговища счел нужным дать им приют среди своей семьи и помочь, чем получится. А что этой парочке помощь нужна – было видно и невооруженным глазом.

Братья Пергани – все как на подбор, молодые копии своего отца, различающиеся лишь цветом глаз и волос – даже не цветом, а оттенком. У старшего, Корда, глаза и волосы самые темные. Глаза – темно-синие, почти черные, волосы иссиня-черные. Средний – Бардем, волосы – темно-коричневые, глаза – синие, с хитринкой, он был самым хитрым из троицы. Младший – Солгар, со светло-коричневыми, почти русыми волосами и голубыми глазами, был еще достаточно молод и его очень смутили гости, вернее гостя. Он сидел за столом, как на иголках, не поднимая длинных прямых ресниц, стараясь не встречаться взглядом со Стелой. Младшенькая, Зидони, была еще пухлым несмышленьком лет пяти, за что и дразнила нещадно своими почти взрослыми братьями. Полденьги ее прозвали за то, что она никак не могла вырасти ввысь, а лишь пока росла вширь, а первыми словами ее были «пол» – это она пыталась сказать «папа», но детское косноязычие помешало, а вместо «мама» девочка пролепетала «деньга», и с тех пор вот к ней и прилипло обидное прозвище. Мать Марьями, хотя и была ровесницей купца, до сих пор хранила неброскую красоту: она принадлежала к этому же клану Торга. Шапка мелких кудрей, смугловатая кожа, темные миндалевидные глаза Марьями смотрели на Мир спокойно и благожелательно. Рано выйдя замуж за Азеля, она ни разу не пожалела об этом, даже когда им пришлось переехать на закрытое Торговище, и вступить в должность стражей. Крутилась по дому, родила здоровых крепких детей, вырывалась вместе с мужем на время Ярмарки в путь, ни разу не услышав от супруга грубого слова. Марьями была счастлива и знала это. Разглядывая исподтишка новоприбывших, она пришла к выводу, что их что-

то гнетет. Достопочтенная ласково приветствовала Стелу, провела их с Вальдом за стол, посоветовав не обращать особого внимания на сыновей, которые всегда готовы выдумать какую-нибудь каверзу.

После ужина – обильного и вкусного – старший Пергани пригласил путников побеседовать в кабинете. Вальд и Стела переглянулись. Вальд едва заметно ободряюще подмигнул своей спутнице. В кабинете было тесновато – большой стол, на совесть сработанный из цельного ствола, кресло хозяина, небольшой диванчик, полки с книгами развешаны по всему периметру комнаты – все было функционально и удобно. Пахло трубочным табаком, горькими лекарственными травами, что сушились на широком подоконнике за спиной купца, и путешествиями. Запах дальних дорог словно сконцентрировался в этом небольшом кабинетике, выдавая истинную сущность хозяина – большого любителя странствий. Стела и Вальд уселись на диванчике. Купец пока молчал – трубку раскуривал. Ароматный дым клубами повис возле стола.

– Ой, простите, я не поинтересовался! Во-первых, я могу предложить вам трубку? И, во-вторых, может выпьете что-нибудь? Оба?

Астрономы дружно покачали головами, отказываясь от предложенного.

– Ну, тогда простите меня еще раз. Потому как я собираюсь задать вам несколько личных вопросов, на что я не имею особого права. Могу я задать вам эти самые неудобные вопросы?

Астрономы переглянулись, Вальд недоуменно пожал плечами:

– Конечно, можете.

– Вы сбежали из дому? Куда вы направляетесь? Вы – парочка, вы двое? Вы знаете, что в Диких землях опасно – особенно для вас, барышня?

Купец смущенно замялся, глядел исподлобья – не перегнул ли он палку в стремлении помочь и оградить от опасностей этих астрономов, почему-то с первого взгляда приглянувшихся ему. В ответ на его вопросы раздался дружный смех. Они смеялись – так заразительно, так беззаботно, что достопочтенный не удержался и улыбнулся в ответ. Отсмеявшись и еще вытирая мокрые глаза, Вальд ответил:

– Достопочтенный, мы разве похожи на тех, кто сбежал из дому?

– Даже очень похожи.

Вальд посерьезнел:

– Нет, мы не сбежали из дому. И у вас есть право узнать о нас больше – вы пустили нас под свою крышу, посадили за свой стол вместе с членами вашей семьи. И уже поэтому вы можете знать, кто мы и зачем здесь появились.

Вальд помолчал, собираясь с духом:

– Все в Мире знают о Лентине и Селене, которые не дали сбыться старому проклятию. Слышали вы о них?

Купец кивнул:

– То, что мы живем в этой глухомани, вовсе не означает, что мы слепы и глухи.

– Хорошо. Селена – моя мать. Во время празднования последней годовщины всеобщей свободы ее похитил Хрон. И мы хотим найти путь в хранилища – через Пещеру ветров, возможно. Но это вариант не самый лучший и самый опасный. Стела не так давно вернулась в Мир, до этого ей пришлось жить в Диких землях, и она говорит, что есть какие-то племена, которые поклоняются Тайамант до сих пор, и они могут знать другой путь. Вот. Может быть, вы знаете что-либо об этом, очень прошу вас рассказать нам.

Азель задумался, замолчав надолго. В кабинетике было тихо, слышалось лишь попыхивание трубки. Вальд сидел на краю дивана, напрягшись, как струна, что-то шептало ему, что именно здесь начнется их путь туда, где еще не бывали миряне. Стела расслабленно привалилась к мягкой спинке, она-то ждать умела, вся ее предыдущая жизнь была переполнена ожиданием, поэтому пройдет больше времени или меньше – ей было все равно. Купец встал, походил перед ними, все еще исподлобья разглядывая то одного, то другого. Потом обреченно вздохнул.

– Эх, очень мне не хочется вам об этом рассказывать. Но... Да, несомненно, мы все знаем о двух девушках из клана астрономов, и пяти детях, которые спасли Мир. И мне очень жаль, что такое случилось с твоей матерью. Хрон редко отпускает своих жертв. И ваше путешествие к нему может оказаться смертельным. И, скорее всего, оно и будет смертельным, если только... – перебил сам себя и вновь задумался.

Вальд в нетерпении начал ерзать:

– Ну, пожалуйста, не томите. Вы хотите, чтобы я на ваших глазах от любопытства скончался?

Азель усмехнулся:

– А ты манипулятор, хотя и шутник! Ну да ладно, коли начал, так надо и заканчивать. Я терпеть не могу неоконченных дел. В общем так: Стела слышала верно, за песками пустыни Крогли есть те, кто поклоняется древнему злу – проклятой дочери темнобородого, Тайамант – их божество. И этих племен целых три.

Вальд вздохнул с облегчением. Купец продолжил.

– Но, ты не спеши радоваться. Эти три племени постоянно кочуют – это раз, они враждуют друг с другом – это два. И самое главное – это ведьмы. Откуда они взялись – никто не знает, ходят слухи, что они из других миров – в своих мирах они умерли и попали к нам – то ли наказание какое отбывают за свои грехи, то ли награда это им – не окончательная смерть, а какое-никакое существование.

У Стелы заблестели глаза:

– Я же говорила!

– Да верил я тебе, верил. Только где мы их искать-то будем?

– Дети, дети. Вы не поняли. Самое главное в том, что я рассказал, это не то, что они существуют и где они существуют. Даже их происхождение – неважно. Важно то, что они – ведьмы, вы понимаете это? Что вы слышали о ведьмах?

Оба астронома в замешательстве пожали плечами:

– Да так, слухи всякие, сказки в детстве.

Купец поперхнулся дымом, закашлялся, багровея. Прибежала Марьями со стаканом воды и пузырьком какого-то снадобья. Загорчала с порога, что-де сам зельем этим трубочным травишься, еще и детей дышать заставляешь. Накапала несколько капель из пузырька, и подала мужу. Улыбнулась, повернувшись к диванчику:

– Не заговорил он вас еще? Может чаю принести?

Стела смущенно кивнула. Чай, поданный за ужином, ей понравился. Дикие такого напитка не знали, пили в основном кобылье молоко, подогретое с жиром и водой, да соли еще добавляли. А чай, да в который еще и добавляли мед – ооо, этот напиток ей нравился больше. Марьями упорхнула. Купец уселся за стол, подвинув поближе тяжелое кресло, похрипел еще, откашливаясь, и одним глотком допил лекарство из стакана, поморщившись. Видимо, гадость была несусветная.

– А, вспомнил! – заскрипел креслом, отодвигая его, и полез на полку, что висела рядом – искать что-то.

Вернулась Марьями, осторожно неся поднос, заставленный всякой вкуснятиной, следом Полденьги несла за ручки фыркающий самовар. Приготовили все для чаепития и упорхнули. Полденьги попыталась остаться, но мать утянула ее за руку с собой. Потом из-за приоткрытой двери послышалось тихое сопение и невнятный шорох. Азель насторожился, для вида продолжая шуршать перебираемыми бумагами, потом бесшумно подкрался и рывком открыл дверь, из-за которой вывалились все трое братьев, едва не упав от неожиданности. Засмутились, младший раскраснелся, уставились в пол, невнятно что-то гудя в оправдание, что, мол, тут за дверьми какие-то шуршания были, вот мол, мы и искали, что такое тут творится, подумали,

что мол, вдруг мыши или еще какие грызуны завелись. Азель усмехнулся, и отправил всех троих на кухню:

– Матери скажете, что я вас наказал, а наказание – пусть сама придумает.

Братья ушмыгнули, аккуратно притворив дверь.

Вальду стало любопытно:

– И что, они, в самом деле, придут и скажут, чтобы достойная их наказала? Сами и добровольно?

– Естественно. У нас тут никуда же не скроешься, да и народу не так уж много, чтобы я в суете забыл об их наказании. Марьями знает их вредливую натуру и придумает, как силы братьев в мирное русло направить – для них это и есть самое-самое наказание. А! Вспомнил!

Рискуя свалиться, полез куда-то под самый потолок, забравшись на лесенку, стоявшую рядом с полками в углу. Зашуршал бумажками, чихнул от поднятой пыли. Астрономы сидели, не притронувшись к угощениям – было неловко как-то – и за любопытствующих наказанных братьев и за то, что купца озадачили. Слишком чужие они здесь – и по крови чужие, так, гости лишь, забредшие на огонек темным вечером.

Азель ловко спрыгнул с лесенки, откатив ее на место, победно помахал найденным рулоном:

– Вот оно, нашлось-таки! А вы что сидите, как неродные? Марьями для вас расстаралась, все остынет! А ну, давайте-ка по чайку сначала, а потом уж будем серьезные разговоры разговаривать.

Достопочтенный, стараясь рассеять возникшую неловкость, которую он почувствовал всей кожей, рассказывал всяческие свои приключения, которым случалось быть, когда он разъезжал по Диким землям с товарами. Чай и доброжелательность купца сделали свое дело, путники вновь расслабились. Потом сдвинули чайные принадлежности на угол стола, и Азель расстелил найденный сверток, благоговейно сдув частички пыли, разгладив мягкую ткань на столешнице. На ткани была вышита карта. Не нарисована, а именно вышита – нитками, что не потеряли цветов, бусинами, что не оторвались и не затерялись. Вышита искусными мастерами прошлых лет. Стела впиалась взглядом в знакомые очертания:

– О! Я узнаю эти места!

Купец пристально взглянул на собеседницу:

– Так вот куда тебя заносило?

– Да, да. И там-то я и слышала о племенах, что поклоняются Тайамант, но только их уже очень давно никто не видел. И, по-моему, это как раз те самые ведьмы. Потому что о них какие-то невообразимые чудеса рассказывали. Я тогда совсем маленькая была, и точно не помню, что именно. Помню лишь, что потом спать по ночам не могла, просыпалась от своих воплей. Мне снились какие-то кошмарные вещи.

– А про ведьмины круги ты не слышала?

Стела побледнел, прошептала:

– Да, я их даже видела. Менгрелы, племя скотоводов-кочевников, среди которых я жила, изредка пользовались помощью ведьм – для решения всяких сложных вопросов, когда других вариантов не оставалось. Менгрелы кочевали по Крогли, выбирали лучшие пастбища, стараясь не попасться крамсонам – вы же слышали о них? Работоторговцы с Вороньего берега. В Крамбаре самый знаменитый невольничий рынок на Зории – вы же негоциант, должны знать.

– Ну, кто не слышал об Империи Крамбар! Мы тоже стараемся не пересекаться с ними. Работоторговля признана нами, но негласно осуждается в Мире. Клан купцов старается не участвовать в этой постыдной торговле людьми. Так вот, там, куда старается не забредать ни один наш караван, в этом самом темном городе Крамбаре высятся Красные башни. С их вершин в полдень видны ведьмины круговины. Но вот дальше – я не советчик, я попросту не знаю, как и что случится, когда вы попадете в эти круги. Я знаю лишь то, что рассказал. Мой прадед,

заплутавший во время пыльной бури в Крогли, оказался в Крамбаре, чудом ушел оттуда свободным – может быть, потому что он отдал весь свой обоз со всякими диковинками, неведомыми крамсонам, этими товарами и откупился. А потом он рассказал о своих путешествиях моей прабабке, которая была изрядной мастерицей в вышивании, она и сотворила эту карту, которая передавалась у нас по наследству. Вот уж никогда не думал, что она может пригодиться – хранилась, как семейная реликвия, как подтверждение о том, как далеко забредали Пергани.

Вальд сидел как на иголках:

– Мы с мамой, когда жили у Диких... – осекся, увидев, что его собеседники как-то по-новому его разглядывают. – А что, я не говорил? Ну, это история долгая, ее сейчас не время рассказывать, потом как-нибудь. Так вот, я помню, тамошние говорили, что через ведьмины круги можно путешествовать. Что, мол, шагнешь в каменный круг и ррраз, ты уже где-то не здесь. Если это правда – вот что нам нужно!

Стела встрепелась:

– А ты не слышал, что при этом тебе ведьмы помогать должны? Вдруг они откажутся с нами даже разговаривать? Или нас занесет совсем не туда, куда нам нужно? Как мы вернемся? Ты об этом не хочешь подумать? А может, это просто сказка?

– Да потом будем думать! Надо сначала куда-то попасть, чтобы придумать, как оттуда выбираться, ведь так? И надо ведьм найти, а потом с ними договариваться. Мама говаривала, что я кого хочешь уболтаю, если мне что-то жизненно необходимо.

Азель предложил кого-нибудь из своих сыновей в сопровождение:

– Любой из них многое умеет: вести караван, легко договориться с кем угодно – очень нужное качество в вашем случае, может помочь отбить нападение – если вдруг такое случится. Соглашайтесь!

– Достопочтенный, мы не хотим вас обидеть, но мы не имеем права втягивать вашу семью в это. Хрон, не к ночи помянут, мстителен, вы знаете это не хуже нас, – извинилась Стела.

– Да, я знаю это, но к чему купцам все их сокровища и умения, если они не могут помочь тем, к кому лежит сердце?

– Все звучит более, чем привлекательно. Но это касается только астрономов. Это лишь наше дело. Я ее-то брать не хотел, если бы знал, что найду этих ведьм, один бы уехал, – Вальд был непреклонен.

Купец помолчал, насупившись:

– Ну на нет – ничего и нет. Мы можем хотя бы собрать вас в дорогу? Это вы можете принять?

Вальд слегка наклонился вперед, коснувшись рукава Азеля:

– Я не хотел вас ни обидеть, ни оскорбить. Помощь, конечно, мы примем. И с превеликим удовольствием!

Глава 2. Роковой гость

Несмотря на очень раннее утро – еще даже не светало – провожать путников высыпала вся семья Пергани. Марьями невеста когда успела наготовить целый мешок всякой снеди, отказаться от которого астрономы попросту не смогли, побоявшись обидеть щедрую хозяйку. Братьям ради такого случая отсрочили выполнение наказания – уборку дома и черновую работу по кухне. Они и теперь не оставили надежды отправиться вместе с путниками, просяще поглядывая на отца. Зидони-Полденьги стояла самой последней, подпирая косяк входной двери, скромно потупив глаза. Достопочтенный Азель крепко обнял Вальда, склонился над руками Стелы. Долго не прощались – у купцов так не принято, считалось, что долгие проводы могут накликать плохую погоду в дороге...

Вальд и Стела оглядывались на провожающих, пока те не ушли в дом, на прощание кто-то из детей взмахнул узкой рукой и в безмолвии подступающей пустыни донеслось:

– Прощайте!

А потом, после того, как кто-то мать или отец одернули крикнувшего, новый возглас:

– Нет, не прощайте, а до скорого свидания!

Вальда захолонуло сердце – было уже это, раньше было, слышал такое прощание. Не пришлось даже мучиться – память услужливо подсунула воспоминания об их сумасшедшей прогулке в тоннелях Зории, когда мама была еще с ними, пусть она ехала в другую сторону, но тогда он знал, что она жива и надеялся, что так и останется еще долго-долго.

Азель предложил астрономам два пути, чтобы добраться до красных башен Крамбара. Первый – через пески Крогли, где велика опасность умереть без воды, попасть в песчаную бурю или вляпаться еще в какую-нибудь неприятность – например, попасться крамсонам. Вторая дорога тоже провела бы их через Крогли, но не через самое смертоносное ее сердце, а почти по краю, мимо Ведска, где можно было передохнуть, и дальше – к Вороньему берегу. Вороний берег был еще опаснее Крогли, его заливы были в руках крамсонов. Предложить в качестве выкупа им было нечего, кроме разве что самих себя, а такой вариант молодых астрономов совершенно не устраивал. Решили ехать через Крогли, понадеявшись наудачу. До рассвета планировали найти хоть какое-то укрытие и переждать самое пекло.

Пергани долго стояли возле дома, глядя вслед Вальду и Стеле. Потом вдруг что-то изменилось, воздух стал густым, словно вода, и подернулся рябью. Азель, стоявший первым, побледнел, схватился за сердце, и, глухо пробормотал: «Теперь ты доволен?», рухнул в дорожную пыль к ногам Марьями. Сыновья подбежали помочь отцу, лишь Зидони осталась стоять на месте. Азеля занесли в дом, мать побежала за лекарственными травами и водой, велел сыновьям не отходить от купца. Вокруг достопочтенного столпились сыновья, пытаясь помочь: Корд махал на отца какой-то попавшейся под руку тряпкой, Бардем расстегивал рубаху, Салгар пытался подsunуть под голову подушку. Мать выскочила из подвала, неся миску с водой, чистые тряпки и склянки с настойками. Входная дверь скрипнула, впуская не пришедшую со всеми Зидони-Полденьги. И в этот миг словно вернулись старые времена – когда Мир и Зория еще были во власти древнего предсказания – движения купцов замедлились, казалось, что им приходилось пробираться сквозь толщу воды. Марьями невыносимо медленно приближалась к мужу, пытаясь протестующе закричать и закрыть его, как наседка закрывает своих цыплят, отталкивая сыновей за свою спину. Уронила миску, вода начала медленно выливаться. Сыновья лишь успели поднять глаза на сестру, черты которой перестали напоминать ту девочку, которую они так хорошо знали. Вместо нее перед купцами стоял темнобородый владелец Хронилиш: вздыбилась нечесаная борода, багровела не сворачивающаяся кровь на бугрящихся мышцах, не прикрытых ни одеждой, ни кожей, хитринкой безумия светились пламенеющие глаза.

– Приветствую вас, достопочтенные! – произнес, словно выплюнул, покрытые ядовитой слюной слова.

Марьями, которой едва удалось сладить с ношей: вода наконец вылилась, и миска, тихонько звякнув, упала рядом; склянки беспорядочной стеклянной кучей сгрудились в углу дивана, на котором все еще без сознания лежал Азель. Достопочтенная бесстрашно взглянула в безумные глаза Хрона:

– Где моя дочь, темнобородый?

– Марьями, дорогая, не беспокойся, я забрал твою девочку к себе. У нас ей будет лучше. Знаешь, дети так быстро растут, и бывает, не слушаются своих родителей. А ты избежишь всего этого. И тебе не придется, когда наступит время, отдавать дочь какому-то чужому мужику, с которым будет она счастлива или нет – ты не можешь знать наверняка. И не придется ей корчиться в родовых муках, чтобы потом родить младенца, который может родиться больным или вовсе не родиться. Она избежит одряхления и смерти – согласись это-таки козырь?

– **ВЕРНИ МОЮ ДОЧЬ НЕМЕДЛЕННО!** – крик, рвущийся из самых глубин души.

Сыновья застыли в нерешительности – они никогда не видели отца таким беспомощным, а мать такой грозной и отважной.

– Маленькая купчиха будет верной подружкой моему пасынку, поэтому ее возвращение не обсуждается. Да ты и не обрадуешься ребенку, который вернется из моих чертогов. Вернется уже совсем другая Зидони. Она видела то, что никто из живых зорян не видел. Ее разум не остался невредимым, она уже полюбила быть среди мертвых грешников. Ты видела тех, кто рисует мои портреты? Ты видела тех, кто прославляет мое темное имя? Но ты никогда не видела детей, которые пропадали, а потом вернулись, вернулись из Хронилиц, не так ли? Я милосерден – я не возвращаю ваших детей, которым вы уже ничего не можете предложить – потому что они видели и познали то, что никогда не будет доступно вашему тупому умишку!

– Прим и Вес услышат мои стенания и тебе несдобровать! Попомнишь ты нашу семью еще!

– Я, дорогуша, никого не забываю! А боги ваши – что они мне могут сделать? Вернуть в хронилицы? Спят ваши боги, не до вас им отныне. Они посчитали, что пророчество ваше страшное уже свершено, значит, теперь на Зории будет тишь да гладь, можно заняться и другими делами. Но я постараюсь уж, чтобы не было так, как они хотят.

Марьями сникла, продолжая закрывать собой мужа и сыновей, темнобородый говорил правду. Те, кто заглядывал в темное знание, сходили с ума – кто быстро, кто медленно, но итог для всех был один – последователи Хрона, вольные или невольные, умирали насильственно и скоро – от страшных неизвестных болезней – или их убивали, словно бешеных собак, отчаявшиеся родственники. И теперь, узнав, где Зидони, было опасно настаивать на ее возвращении. Да и о Весе тоже не слышно уже давненько, верное сказал Хрон. Теперь Марьями хотела лишь одного – чтобы ее семью оставили в покое, чтобы темнобородый исчез, как ночной кошмар, о котором забываешь в круговерти дневных забот. Слишком быстро и страшно изменилось все, к чему Пергани привыкли. Хрон, заметив, что выражение лица Марьями изменилось, пророкотал:

– Ну, если вы более ничего не хотите, я исчезаю. Вижу, что вы мне совершенно не рады и приглашения к столу от вас не дождешься. Я только удостовериться хотел, что твой муж выполнил свою часть сделки.

И пропал, словно его и не бывало. Лишь обуглившиеся следы на ковре, который истлел до самой основы, да запах тления подтверждали, что темный гость им не привиделся в общем кошмаре. Время вновь выровнялось, стали слышны звуки. Марьями кинулась к мужу – о, чудо! – он все еще был жив, и его можно было спасти. Засуетилась, заметалась, отрывисто приказывая сыновьям делать то-то и то-то – все, что могло помочь Азелю.

Вскоре их совместимые усилия привели к видимому результату – купец задышал равномерно; страдание, которое преобразило черты лица в маску, смягчилось, а потом бесследно пропало. Купца укрыли, возле него остался Салгар – следить, чтобы ничто и никто более не тревожили покой достопочтенного. Остальные домочадцы разбрелись по дому – проследить, не осталось ли следов посещения темнобородого, от которых может пострадать их жилье и все самоё Торговище. Марьями была в кабинете купца, разглядывала ту чудную карту земель крамсонов, что осталась в наследство от предков мужа, когда из гостиной донесся испуганный крик Салгара:

– Мама! Мама, иди сюда скорее!

Подхватив юбки, чтобы не мешались, Марьями бросилась на зов. Прибежали и сыновья. Потерявший на миг дар речи младший тыкал пальцем на голову отца. Курчавые волосы Азеля, которые были цвета соли с перцем, и перца в них насыпано гораздо больше, теперь совершенно побелели – моментально, на глазах волосы стали абсолютно седыми. Все четверо стояли рядом с купцом, оторопев от этого видения, не в силах сдвинуться с места. Простояв так – замерев и не сводя взглядов с Азеля достаточно долго – мать и сыновья, не в силах помочь достопочтенному, вновь покинули комнату. Но, едва Марьями добралась до кухни, как снова раздался крик Салгара.

Прибежала, в дверях едва не столкнувшись с сыновьями, и увидела, что муж пришел в чувство. Но взгляд его был не здесь, глаза его смотрели в никуда, сквозь них. Страшны были его глаза – выкатившиеся из орбит от напряжения, побагровевшие от прилива крови, словно силится что-то разглядеть достопочтенный, а не может. Потом из раздувшегося его горла послышался странный звук, похожий на шипение закипающей воды, а потом незнакомый, шипящий, хриплый голос произнес: «Прокляты вы, прокляты мы, обманули гостя, нарушили закон гостеприимства, я ухожу, а проклятье нести вам. Карту я им дал не свою, а ту, что велено отдать было. Нашу надо отдать им, нашу». Из уголка глаза выбежала кровавая слеза, потом хлынул кровавый поток, купец попытался вздохнуть и никак. Приподнялся, хрипя от страшного напряжения сил, ловил широко распахнутыми руками что-то недоступное для него и невидимое для домочадцев. Потом прошептал: «Зидони, Зидони, Зидони», захрипел и упал замертво, широко раскрыв налитые кровью глаза. Только после этого распухшее горло приобрело нормальный размер, тело расслабилось, поднятые руки упали, и пришла смерть. В голос завывала Марьями при виде страшной кончины своего достопочтенного, который всю жизнь старался жить по кодексу, и отступил от заветов предка лишь ради спасения дочери. Упала достопочтенная рядом с усопшим на колени, уткнувшись лицом в его безжизненную, быстро остывающую ладонь. Слова не шли с языка, из горла лился лишь безудержный вопль. Осиротевшие сыновья, не зная, как помочь горю матери и, еще не осознав своей потери, стояли, оцепенев, в изголовье.

Марьями подняла залитое слезами лицо, отвела растрепавшиеся волосы, и увидела сыновей. Увидела тех, ради которых теперь ей предстояло жить. Растерянных и таких еще юных. Раскрыла объятия и пришедшие сыновья столпились на коленях рядом с ней. В их памяти, сколько бы ни прошло Новолетий, мать всегда останется бесстрашной воительницей, которая не отступила перед темнобородым, защищая их жизни. Марьями внимательно вгляделась в своих сыновей:

– Дети мои, нам нужно догнать гостей и отдать им нашу карту. Поедет Бардем, и не спорьте со мной. Сынок, ты должен будешь оставаться с астрономами до тех пор, пока не искупишь вину. Корд – ты теперь старший и должен по наследству приглядывать за Торговищем, а ты, Салгар, пока слишком юн, чтобы идти. Бардем, отправись сразу после того, как попрощаемся и похороним отца.

Глава 3. Похищение

Астрономы выбрали первый путь – напрямик через пески, не заходя к Вороньему берегу. На карте были отмечены два оазиса, в которых они надеялись пополнить запасы воды. Припасов должно было хватить с лихвой – Пергани, как опытные путешественники, знали, что и как складывать. К полудню уже изрядно вымотались и путники и лошади, а укрытия от нещадно жалящих солнц все не было видно. Первым не выдержал скакун Стелы, при подъеме на очередной песчаный холм, он упал и уже не смог подняться. Из ноздрей хлынула кровь, и Стела осталась без лошади. Вальд спешился, на его коня, чью морду замотали влажными тряпками, навьючили все тюки и повели на поводу. Они совсем обессилели, колени подгибались, в горле першило от сухости, когда слабым колыханием воздуха впереди замаячило нечто – то ли одинокое сухое деревцо, то ли скала, неизвестно, как оказавшаяся посреди бескрайних песков.

Из последних сил доташившись до укрытия, спрятались в тени. Вальд, едва отдышавшись, почувствовал неясное беспокойство – где-то была вода, он оставил спутницу рядом с Серым и потащился туда, куда звало его чутье. Совсем неподалеку доживал последние дни едва заметный ключ – вода успевала лишь показаться в небольшой ямке и немедленно высыхала, испепеленная безжалостными лучами светил. Вальд упал на колени и начал рыть, прорываясь к прохладным струям. Когда глубина выемки достигла коленей, а кучка влажного песка рядом начала подсыхать, вода забурлила, наполняя получившийся водоем.

– Стела, Стела! Пойди сюда! Тут вода! Я воду нашел! Серого води, пусть пьет вволю!

Из тени показался силуэт девушки, она, на ходу разматывая тряпки, которыми укрывала лицо, спешила к Вальду. Неведомо откуда на низких пустынных лошадках налетели всадники, замотанные так, что казалось – в седле сидит тюк тряпичный, закричали отрывисто и страшно. Тот, что был на сером жеребце, подхватил Стелу, ловким движением связав отчаянно брыкающуюся девушку, бросил ее поперек луки впереди себя. Вальд дернулся за ними, но, получив удар по голове, рухнул рядом с ключом. Последнее, что он запомнил, перед тем как погрузиться в забытие, был странный меч одного из нападавших – с волнистым клинком, длинный, с двумя гардами, и на клинке еще странный символ какой-то выбит.

Очнулся Вальд от холода. Это днем Крогли сжигает тех, кто забрел в ее пески, заживо, а ночью же промораживает до костей. Голова раскалывалась от боли – ощупав ее, обнаружил, что на затылке красуется неимоверных размеров шишка и спасли его от неминуемой смерти – череп бы треснул, если бы не они – его густые волосы, которые он так и не удосужился подстричь перед путешествием. Дополз до ключа, застонал от бессилия и боли – похитители засыпали его полностью. Но они еще не знали, с кем связались – настырности Вальду было не занимать. В первую очередь, надо было добыть воду, а потом уже подумать об остальном – о похищенной Стеле, о Сером, о припасах и всем остальном, что еще оставалось важным. Рыча и постанывая, он выкидывал влажный прохладный песок, как роют животные. Песок становился все мокрее, но воды не было. Приложил горсть холодного песка к голове – полегчало. Сообразив, ткнулся головой в кучу, которую только что нарыл – о, блаженство! Боль отступала, лишь в шишке на затылке постукивая маленькими молоточками. Отдышался, отряхнулся от песка и снова рыл, пока не наткнулся на воду, взбаламученную и мутную, но воду. Подождав совсем чуть-чуть, умылся, плеская на потное лицо. В голове прояснилось. Покачиваясь, направился к скале, за которой они так опрометчиво спрятались днем. Серого не было, как не было и не единой сумы с припасами. Лишь платки, которым Стела заматывала лицо, которые она развязывала и уронила в момент ее похищения, валялись едва заметной кучкой.

Была ночь полных лун, светивших так ярко, что каждая песчинка отражала это сияние. Песчаные холмы отбрасывали резкие тени. В желудке было пусто, лишь прохладная водичка плескалась в одиночестве. Вальд достал из-за пазухи карту – благо, что похитители-красносы –

а больше никто не осмеливается забираться в такие глубины Крогли, не догадались обыскать его, и начал соображать, куда ему отправиться сейчас. По всему выходило, что топать ему надо в Крамбар, и выходить прямо сейчас. Проверив карманы, разложил перед собой всё, что у него осталось: небольшая фляжка, она была на поясе – её тоже не забрали, карта, платки и кусок хлеба. Размочил хлеб, съел, тщательно пережевывая каждый кусочек. Сначала замутило, но потом, после пары-другой глотков прохладной водички, слегка попахивающей землей, полегчало. Упаковал все свои нехитрые пожитки, набрал воды во фляжку под завязку, напился сам, намочил платки, которыми планировал потом обмотать голову. Повернулся и пошел в Крамбар.

Глава 4. В песках

Вспоминая своё одинокое путешествие через пески Крогли, Вальда всегда удивляло то, что времени он не чувствовал, словно весь путь занял один день и одну ночь. В памяти всплывали лишь пески: вверх, вниз, вверх, вниз. Иногда, когда ноги уже не держали, падал и скатывался с песчаных холмов. Каждый раз, оказываясь лицом в песке, приходилось уговаривать себя встать. А потом не просто уговаривать, а орать во все горло, чтобы встать. Голос вскоре отказал, из глотки лился хрип. Когда становилось совсем уж неважно от жары, находил маломальское укрытие и прятался там. Исхудал так, что, щеки ввалились, потемневшая от солнца кожа, которую не спасали те отрепья, что остались от платков Стелы, потемнела, штаны пришлось подвязывать веревочками. А ремень он съел – каждый день отрезал маленький кусочек и жевал, размачивая слюной, давясь от голода. Иногда валился на раскаленный песок, пережидая спазмы в желудке. От смерти спасало лишь умение находить воду где бы то ни было. Едва заметные ручейки попадались редко, но попадались. Возле них обычно устраивал дневки, пил вволю и отсыпался, выкопав ямку, пока не становилось прохладнее. Просыпался, затягивал веревки на штанах потуже, сверялся с картой и снова брел. Мысль о том, что надо бы вернуться в Мир за помощью, даже не возникала в его воспаленном сознании. А мысль о том, что Стела, возможно, уже давно мертва, он отгонял усилием воли.

Однажды, проснувшись на закате, Вальд увидел какую-то непонятную мглу на горизонте, похожую на сине-багровый кровоподтек. Стало очень тихо, утих даже тот малейший ветерок, который поднимался ввечеру после того, как спала дневной жары. Вальд заметил, как волосы на руках зашевелились сами по себе. Почувствовал, что на затылке, который все еще побаливал иногда, волосы стали приподниматься. Мелькнули воспоминания из той далекой жизни, когда он и мама жили среди кочевников, и эти воспоминания тревожили... А потом, словно мешком по голове – буря, будет буря! Наклонился к ручейку, напился вволю, да так, что закололо в бок. Набрал воды во флягу, намочил всю одежду, все тряпки. Обмотал лицо, нашел неподалеку едва заметный бугорок песка, лёг и приготовился к неизбежному. Резко похолодало, потом налетел ветер, поднявший мелкие частички пыли – Вальд почувствовал это – и словно по открытой коже кто-то начал колоть иголочками. Порывы становились все сильнее, поднимая в воздух песок и мелкие камни. Стало очень жарко. Вальд чувствовал, что сердце готово выскочить из-под ребер, лоб покрыли мелкие капельки пота, крупным-то взяться не откуда. Резко заболела голова, горло пересохло, словно и не пил недавно. Подступила нестерпимая жажда. Вальд, с трудом выпростав руки из-под засыпающего его песка, сдвинул с глаз тряпки и попытался хотя бы смочить губы, но из фляжки посыпался песок – вода высохла или пролилась, теперь было неважно. Перед глазами закружился песок – всё быстрее и быстрее – и молодой астроном потерял сознание.

Очнувшись от того, что на лицо лилась вода, открыл рот, ловя струйки, приподнялся, пытаясь открыть глаза, за что получил осязаемый тычок в бок, услышал невнятное бормотание, из которого сделал вывод, что надо лежать, а то хуже будет. То, на чем он лежал, было жестковато и монотонно покачивалось так, что Вальд вскоре задремал, а потом и уснул крепко, как не спал с момента похищения Стелы.

Следующее воспоминание – Вальд лежит в тени, на лице прохладная, мокрая тряпица, неподалеку потрескивает костерок, где-то рядышком слышится мелодичное журчание ручейка и снова – то бормотание, под которое он засыпал. Вскинулся было встать, осмотреться и снова получил тычок.

– Да лежи ты, что ты за беспокойное хозяйство-то такое! Вот егоза мне на старости лет попалси, спасай таких, оне сами в могилку то себя и укладуть и песочком-то присыплють...

Чувствовалось, что у хозяина бормотания собеседников маловато, и он привык общаться с собой.

– И глазоньки из-под тряпицы не вытаскивай свои. Компрэсц я тебе сделал с травами целебными, а то ослепнуть можешь. Где ж это видано, пески летают, а он зенки свои с-под тряпки вынул. Чегой разглядеть-то хотел, милай? Что ты опять поднимаеэси, а? Куды ты, ну вот куды же! Вот беспокойное-то хозяйство досталось! Лежи, а, молодец храброй, али у тебя глазконьки лишние? Про запас в карманцах носишь, что ле?

Вальд и вправду попытался приподняться, но после этих слов улегся, и оставил попытки принять вертикальное положение. Старик ещё что-то неразборчиво бормотал, уже не обращаясь к своему гостю, а по привычке. Так астроном и уснул вновь, уже крепким сном выздоравливающего – крепкий организм выручал не раз, не подвел и сейчас.

В это пробуждение на лице не было никаких тряпок. Вальд проснулся с чувством, что его мочевого пузыря сейчас лопнет. Вскочил, огляделся – светало, лишь край горизонта слегка подернулся розоватым светом. Неподалеку темнело какое-то дерево, поковылял на плохо гнущихся ногах к нему, и с наслаждением отлил. Пока застегивался, сзади раздалось:

– Ты, когда снова соберешься мне тут беспорядок разводить, сразу скажи. А ежели тебе ссать приспичит – так ты вон туда иди, там бочка в песок врытая, специально для таких нужд. А для большой нужды – вон дощаник стоит, там закрываешься, чтобы не задуло те ничё. Я там и листья мяконькие каждое утро складываю, чтоб на весь день хватило. Я вот стар уже, иногда и не сгождяются теи листья, высыхают.

Вальд поспешил прервать поток излияний своего спасителя, пытаясь разглядеть его в предрассветном полумраке. Что спаситель – мужского полу, стало понятно из сказанного, да и голос не похож на старушечий. На горизонте показался краешек Прима, всходящего первым, и разогнал темноту. Старик оказался до того колоритным, что Вальд невольно заулыбался: лет ему, наверное, за сотню. Голова почти лысая, а те из волос, что дожили до сегодняшнего дня – серовато-белые – редкими кустиками торчат в разные стороны, кожа, та, которая не скрыта под ворохом разноцветных тряпиц, испещрена пигментными пятнами, изрезана морщинами мелкими и крупными и навек потемнела от яростных солнечных лучей. Годы согнули спину, заставили руки трястись, а ноги не всегда слушались. Но в целом, старик производил впечатление крепкого и жилистого, способного протянуть еще пару-десятков Новолетий.

– Ты чегой лыбишься? Ты, кажись, надо мной смеешься? А? – старик повязал лысину сероватой тряпкой.

– Я не хотел вас обидеть или задеть своей улыбкой. Я очень рад видеть живого человека в сердце Крогли – мы же в самом центре песков, не так ли?

– Смышлена нонче молодежь пошла. Ты астроном, я чай?

– Да, уважаемый. Меня Вальд зовут. А к вам как обращаться?

– Ты смотри-ка, глаголет чисто царёнок! Мы сословия простого, свободнорожденные мы, нас при рождении Зыбой нарекли, а прозвище по отцу – Тыкле. Зыба Тыкле мы будем, – захихикал отчего-то.

– Хорошее имя, старик. А кроме тебя здесь еще кто-то есть?

– Есть, милай, конечно, есть. Я тебе потом покажу. Пойдем, тебе умыться надо. Мы тут среди песков хотя живем, а моемся не как дикари, неет, милай, не как они. Пойдем, у меня там все пристроено, как надо.

Неподалеку от хижины журчал родник – тот самый, которому оазис обязан своим существованием и тот самый, чье веселое щебетание Вальд слышал на грани бодрствования. Вода ниспадала с каменистого уступа в небольшой водоем, в котором было достаточно глубоко, чтобы окунуться с головой.

Старик с гордостью махнул головой в сторону прудика:

– Вот, это мы сделали, вода прежде в песок уходила, а мы дорылись до камней, и бережки укрепили. Теперь у нас всегда вода есть. Только ты там слишком не плескайся – нам туую воду пить еще.

Вальд не стал ждать специального приглашения и быстренько забрался в воду, застонав от наслаждения. Любовь к воде у него была от матери, он готов был жить в воде. Окунулся несколько раз, смывая с себя пыль, пот и кровь, накопившиеся за время пребывания в песках.

Зыба тем временем разжег дрова в небольшом очаге, сложенном из скрепленных между собой какой-то смесью валунов. На огне весело шумел чайник, и что-то скворчало на погнутой, выдавшей виды сковороде, распространяя окрест манящий запах. И, когда Вальд вернулся к хижине, старик уже поставил на стол две металлические тарелки, такие же кружки, и готовился водрузить сковороду, плюющуюся горячим жиром. Все было побитое, помятое, как и хозяин, но в отличие от него вся посуда была как следует начищена песком.

– Вона, накупался! Ну, пойдем, милоч, отведаешь, чем дед тут питается.

Уселся на колченогий плетеный стул, Вальду достался такой же стул, только с пятью целыми ножками, напротив хозяина. Дед сегодня питался жареными яйцами – в оазисе жили какие-то птицы – в обшарпанном чайнике был травяной чай, который взбодрил не хуже кафэо. И в плетеной тарелке на столе лежали финики и пара кокосов. Зыба переложил часть яичницы гостю, остальное шмякнул в свою тарелку. Вальду после «ремнево-водной» диеты завтрак показался таким вкусным, что он моментально проглотил его. Чаю было вдоволь, и дед подливал и подливал.

– Воды у нас вдоволь, да и травы полно, пей, тебе надо сейчас много пить. А вот яйца только на рассвете и только четыре-пять штук стянуть получается. Потом эти шмакодявки пребольно щипаться начинают – когда солнца встают уже.

После завтрака хозяин скинул посуду в лохань, стоящую рядом с очагом, присел на чурбачок и протянул:

– Ну, теперь самое время тебе рассказывать – что ты тут в песках разыскиваешь?

И Вальду ничего не оставалось другого, как поделиться с дедом своими злоключениями. Причем начинать пришлось почти с самого начала – с того момента, когда он впервые увидел драконов Хрона. Зыба оказался благодарным слушателем – он внимал рассказу, едва дыша, не перебивая, лишь, когда паузы слишком затягивались, он нетерпеливо нукал, подстегивая рассказчика. По окончании повествования pokrutil головой:

– Эх ты малой, приключения-то всякие тянуть. Не сидится сопле в тепле, да? Мамку твою, коль Хрон забрал, это – то же самое, что и померла она – отпустил бы ее, и самому легче было бы. А девка та, что сперли у тебя крамсоны из-под носу, она, поди, уже у какого-нибудь тамошнего бухана – это ихние купцы так называются, у которых рабов много – на простынях шелковых возлежит. Оне, буханы, не всегда на девок падки, бывает и на юнцов клюют. Ну, или продали ее куда, еще дальше. Куда даже ваши мирские купцы не заходили. Или померла тож, а ты богов гнечишь, ищешь её всё. Она тебе не сестра и не жена – зачем она тебе?

– Дед, ну ты сказал! Мама жива – я бы почувствовал, если бы она умерла. И она бы пошла за мной – даже в хранилища. А Стела – она мне кровница, а это ближе и жены и сестры. И она решила помогать мне, не смотря на то, что очень хотела остаться с Киром – тот, кровник мой, я рассказывал только что.

– Да помню я, чего ты тут рассказывал.

– Зыба, а вы тут как оказались? Среди песков один-одинешенек? А жена, дети?

– А пойдем-ка, я тебе покажу, как и почему. Как раз самое время.

Где-то неподалеку раздался едва слышный звон, и мелодичный перестук привел деда Тыкле и его гостя на небольшую полянку, попасть на которую можно было, лишь изрядно оцарапавшись о колючие кусты, растущие там и сям. Звон, чаканье и тиканье становились все громче по мере приближения к полянке. Пробравшись сквозь шипастые кусты, Зыба и Вальд

оказались среди множества часов. Часы были большие и маленькие, лежали на деревянных подставках, висели на стволах. Самыми удивительными были те, которые ходили по полянке. Да, да они ходили в буквальном смысле этого слова. Четверо часов вышагивали по траве на суставчатых деревянных ногах, которые издавали мерный шорох при движении. Кое-где на ветках висели небольшие открытые полочки, на которых лежали маленькие часики, едва слышно издававшие своё «тик-так». Зыба остановился в центре поляны, развел в стороны руки, указывая на все часы сразу:

– Вот, вот моё семейство. Хочешь, я тебе расскажу про каждого из них?

Вальд недоуменно поднял брови.

– Ты думаешь, оно что, часы, оне, значит и бездушные что ле? Как вона ваши, которые на башнях ваших присобачены. Да те брегеты, что ваши кастыри таскают, думаешь, они моим-то ровня? Неет, милоч! Мои – живые!

Вальду подумалось: «Да уж, первое впечатление – оно самое верное. Как вот мне показалось сразу, что дед не в себе, так оно и есть».

– Ага, ага, знаю я, что у ты в голове щас мелькает, что-мол, дед спятивший тут живет. Совсем в песках двинулся. Гы. Только ты не прав. Иди, поближе посмотри.

Вальд нехотя шагнул на полянку – спятил дед или нет, а деваться некуда. И был изрядно удивлен: те, что маршировали туда-сюда, вроде бы и не обращая ни на что и ни на кого внимания, дружно развернулись – ну прям пастыри на параде – и пошагали прямо к нему. И намерения у них у шагающих часов были явно недружелюбные. Пока дед не сказал, что Вальд «свой». Тогда часы как-то неуловимо изменились – что-то в их циферблатах исчезло, злобность, что ли, и они засновали вокруг коленей – ну щенки, да и только, которые ластятся к хозяину, тыкались корпусами в ладони, прося их погладить. Вальд несмело протянул руку, потом отдернул.

– Давай, смелее. Не трусь, они не укусят – им просто нечем тебя кусать. Разве что стекло разобьют и стрелками уколут. Да и это они только по неосторожности могут. Видишь теперь? Я и знать не знаю, что с этим местом не так. Я им поначалу имена давал, а сейчас уже сбился. Одна мечта у меня была – поверить их, да вишь ли, твои кровники здесь не бродят. Оне ж не купцы какие – это те шлендрають по всей Зории. Однажды только твоих видал в этих местах. Давненько уж.

Вальд недоверчиво поднял брови. Астрономы в Крогли? В самом сердце песков? Зыба хмыкнул и начал говорить.

Очень давно это случилось. Я тогда у купца одного подрядился поработать на сезон. Купец вез товар на Торговище, а потом рассчитывал с тем, что останется дальше пойти, по самому краю Зории хотел прогуляться. А я по молодости отчаянный был – мне тогда едва восемнадцать новолетий стукнуло, я от родителей и рванул. Скучно они жили, отец сапожником был, мать – стиркой зарабатывала, над корытом спину гнула, руки вечно как вареные. Избенка была у нас маленькая, темная. Я с того момента, как начал осознавать, что в крови моей ничьей печати нет и придется самому место под солнцами себе искать, так и загорелся выучиться какой профессии уважаемой – хоть в какой клан подмастерьем хотел. Да только не очень охотно кровники клановые делились своими умениями. А кто-то и рассказать толком не мог – каменщики, например, они не особо разговорчивые – они по крови такие. Отец терпел-терпел мои попрыгушки, уже было драть собрался меня, да тут попался добрый человек – из ваших. Ваши-то вона какие разговорчивые. Наш астроном местный, я уж запомнил, как его звали-величали – голос помню, глаза помню, а имя – позабыл. Так вот, он меня взялся обучать. Да только всякая премудрость небесная мне в голову никак не ложилась. Уж было отчаялся мой учитель, да в один день мы с ним полезли на башню. Ему надо было часы поверять, ну и я увязался – ага, ученик же. И я увидал часы изнутри, и понял, что вот оно, то самое-самое, что мне виделось и в чем я смогу разобраться. Натура у меня про эту часовую премудрость оказалась дотошная и понятливая. В общем, часы мастерить я выучился быстро. Астро-

ном наш диву давался, что такое бывает. Как же свободнорожденный и такое освоил. Родитель мой даже перестал бухтеть про мои эти причуды, так он мое стремление к учебе обзывал. Только вот поверять часы я так и не смог, не чую я время, как вы. И сколько уж здесь живу, все мечтал, что забредет ко мне кто-нибудь из вашего брата и мои ребятишки будут время показывать правильно. А то я по солнцам-то выставил, да сам знаешь, оно не очень надежно, такое выставление. Поможешь мне?

– Погоди, Зыба, вы ж говорили, что тут наши бывали как-то?

– Ну да, бывали. Это когда ваши кровницы все пропали. Я своим собственными глазами видел, как ваших женщин к крамсонам вели. Трое их было, паскудников. Они на диковинных таких скакунах были. Я-то ране кроме единорогов да лошадей и не видал таких животных никогда – здоровущие, три лошади друг на дружку поставить – вот такие здоровые, впереди какая-то труба кожистая, что ли. Уши большущие, кожаные. А на них беседка прилажена – там-то ваши девки и сидели, опоили их чем-то, они как сонные были. Похитители остановились здесь, воды набрали. Девоч с животины, до сих пор не знаю, как оно называется, стащили, водой на них побрызгали – на девочек, чтобы те не сомлели окончательно. Да и дальше пошли. В сторону Крамбара. А я прятался пока они тут шлялись, но девочек разглядел. Одна так и вовсе красоты неписанной была, аж сердце зашлось, когда ее увидел. Потом ночами спать не мог, она звала меня, спасти просила. Да куда уж мне, свободнокровке, против обученных пастырей выстоять. Да и продали ее, голубушку куда подальше. А потом купцы, что к ручью за водой сворачивали, рассказали, как у вас всех женщин уворовали. Я погоревал, а потом как-то раз и нашел эту полянку. А тут лежали турбийоны, спирали, ремонтuary – уже собранные, остальные части в других частях нашлись, какие самому пришлось творить, а уж придумывать из чего – вот была задачка-то. Ну, собрал да собрал. Первые, по-моему, вон те были, что вышагивают, у них на одной ноге, видишь, сучок в деревяшке оказался, да мне и поглянулся он. Так и оставил. Уснул, умаявшись за день – жара, а я с металлическим этим частями канителюсь, они таки горячи были, что я пальцы пообжег все. А наутро они пошли – в обоих смыслах. Я-то им ноги так приделал, чтобы куда поставить было – тут у меня с мебелью не очень богато, сам видишь. Ну, в общем, я перепугался, утопить их пытался, в пески зарыть пробовал. А они кротко так только постукивают и на меня не обижаются. А потом привык, перестал бояться, да и давай еще клепать. Они мне теперь как родные. На полянке этой частенько новые части для часов появляются – откуда берутся, не знаю. Я уж и подкарауливать пробовал, да не увидел ничего. Вечером нет ничего, а утром – гля, а в траве поблескивает чегой-нибудь. Ну, я и вовсе успокоился. Решил, что это мне ваши небесные кастыри такую утеху дали, от одиночества спаслись. Да и астроном тот, что учил меня. Поди, посоветовал, что не совсем, мол, я бестолковый, мол, давайте ему деталей, а он уж пусть собирает. И тебя, наверное, тоже он послал.

Вальд пытался было возразить, но решил промолчать. Как он уже понял, спорить с этим Тыкле – занятие бесполезное и малоприятное. А Зыба уже замолк и умильно так поглядывает, руки сложил на тощем животе – не человек, а сплошное благолепие:

– Ну, так ты их посмотришь?

– Что посмотришь?

– Ну, часики мои? Чтобы ходили они верно и долго-долго.

– Дед, ты бы не нукал. А по существу: что посмотреть-то надо?

– Э, механизму их проверил, правильно ли я там все устроил? Да на верность хода проверил. А то вон те большие, что привалились к пальме, сидят, они вроде хронометр, дык и соответствовать должны.

– У меня и инструментов-то нет. Да и спешу я, ты позабыл?

– Ничего, струмет у меня имеется, тоже на полянке лежал. А спешишь, зачем тебе спешить? Ты сейчас мне подмогнешь, а потом я тебе, и оба только в выигрыше останемся. Давай, сынок, соглашайся, тебе посля солнешного-то удара всё одно еще очухаться надо. А то ить,

пойдешь в пески один с картой твоей корявой, да и сгинешь там, и никому помочь не успеешь и всюю.

И верно, деваться было некуда. Только одно смущало:

– Зыба, а я вроде про карту ничего тебе не говорил. Ты откуда про нее знаешь?

– Дык это, я тебя, когда привез на ешачке-то своём, я тебя обмыл, а чтобы ничего ценного не намочить, пришлось по карманам твоим пошарить. Но ты не думай, все в целости лежит. В роду Тыкле воров никогдашеньки не было.

В мыслях пронеслось: «Ну да, воров-то не было, а, если бы предположить, я помер, так и воровать бы не пришлось, шустёр дед, ой шустёр».

– Ладно, давай свой струмент. Посмотрю я твои часы.

Дед засуетился, вынул плотно закутанные в промасленные тряпки инструменты из дупла, с трогательной бережностью протянул лупу:

– Вот. Всё, что нашёл, тут собрано. Ты правильно решил, сейчас самый свет, чтобы работать.

Не переставая бормотать что-то себе под нос, достал крышку и четыре чурбака, соорудил стол, постучал по нему:

– Садись, мил человек.

Вальд уселся, установил лупу:

– Ну, какие первые смотреть.

Дед благоговейно принес маленькие часики. Вальд открыл заднюю крышку и... Время словно остановилось. Ему, конечно, приходилось и поверять часы, и ремонтировать, но он никогда не встречал таких механизмов, и никогда ранее это занятие так не притягивало. Не чувствуя усталости, голода и жажды, астроном не выпускал лупы из глаз пока не ощутил предвечерней свежести. В животе заурчало от голода, да и в горле пересохло. А Зыба тут как тут:

– На-ко освежись, мастер. Смотри, сколько ты натворил!

Полянка теперь выглядела иначе. Те часы, над которыми удалось сегодня поработать, дружно тикали – какие громче, какие тише – в унисон, отмечая очередной час. Если поутру часы были рядовой работой ремесленника, сейчас они стали произведениями искусства. Хотя особой доработки не требовалось – там подтянуть, там шлифануть, поправить кое-какие детали и все. Но часов было так много, что работы хватит еще на пару дней. Зыба восторженно разглядывал своё тикающее семейство.

– Пойдем, мастер Вальд, я ужин спроворил. Сейчас самое время пищу принять, прохладно, но еще не холодно. По ночам тут зябко бывает, но я тебя устрою – в хижине моей места хватит.

Следующие несколько дней были похожи друг на друга. Зыба будил Вальда на рассвете – со всем почтением, называл теперь его «мастер Вальд» и никак иначе. Кормил завтраком, и они отправлялись на полянку. Вальд садился за стол и снова терял счет времени. Ближе к закату Зыба возвращался, ужинали и ложились спать. Хижина старика была достаточно просторной, пара одеял предохраняла от ночной свежести, и спалось Вальду так, как давно уже не бывало. Крепко спал и утром просыпался он отдохнувшим. Когда последние из часов – те самые, которые претендовали на звание «хронометр» – были почищены, подправлены и теперь дружно тикали вместе с остальными, Вальд почувствовал, что ему пора. Что и так засиделся он здесь. Об ударе по голове и солнечных ожогах уже ничего не напоминало. Оставалась лишь малость: сказать Зыбе, что пришло время расставаться.

Утром на полянке обнаружился полный комплект для создания новых часов. Вальд покопался с ними до вечера. А когда пришел Зыба, астроном протянул ему небольшие часы – размером с луковицу, с закрывающейся деревянной крышкой, которая защищала часы:

– Это вам моя прощальная поделка: это ваши личные карманные часы. Они будут показывать время, и вы их сможете носить с собой всегда – можно на шею подвесить, можно в кармане носить, как будет удобнее.

– Ээх, а я уж было понадеялся, что ты тут со мной останешься, а ты все-таки решил уходить. Но раз этого обещано не было, понимаю. Не судьба. За подарок – спасибо. Я тебе помощь обещал, значит, и помогу, сам виноват – спасал тебя, значит, не могу не помочь. Я тебе карту нарисовал – она теперь верные направления показывает. Идти тебе надо или на рассвете или, если ночных тварей не побоишься – на закате. А как солнца выйдут, да засветят в полную ярость – ищи кусток какой и ложись спать. Ешака могу тебе дать, на нем быстрее будет.

– За карту и остальное – благодарю. А ишака не возьму – он вам нужнее, я и так доберусь, а вам, если вдруг кого еще спасти придется, сподручнее будет.

– Ну, коли решил, отговаривать не буду. Пойдем, поужинаем, да собирать тебя будем. На том и порешили.

Едва солнца коснулись горизонта, Вальд тронулся в путь. Пески запылали расплавленным металлом, слепя глаза, едва астроном покинул гостеприимный оазис. Зыба Тыкле стоял, провожая гостя, пока не стемнело. Потом вернулся на заповедную полянку, где проживало свою тикающую жизнь его часовое семейство. В этой жизни Вальд и Зыба больше не встречались.

Глава 5. Попутчик

Раскаленные за день пески быстро отдавали накопленное тепло и скоро стало гораздо, а когда ночные светила достигли середины неба, похолодало так, что Вальду пришлось вынуть из сумы одеяло и закутаться в него. Идти было неудобно, одеяло так и норовило соскользнуть, Вальд вспомнил купеческие пончо, такие удобные, мягкие и теплые. А еще через мгновение он уже шагал в некоем подобии пончо – прорезав в центре одеяла дырку. Прошагал всю ночь, край горизонта начал светлеть, возвещая скорый восход. Астроном огляделся по сторонам, ища укрытие: «А! Карта же! Зыба, наверняка, укрытия как-нибудь обозначил». Юноша хмыкнул негромко, вспоминая своего спасателя: бывают же такие колоритные люди. Вгляделся в карту – в предрассветных сумерках видно было плохо даже астроному. Определил свое местоположение, потом на карте увидел крестик – где-то совсем рядом было какое-то укрытие. Прошел вперед еще немного – и верно, дерево с неохватным стволом и нелепой кучей веток поверху – дерево, которое в Море называли бутылочным – не за то, что издалика оно похоже на бутылку, за то, что пустой ствол обычно наполнен дождевой водой. Вальд поспешил укрыться в тени, решив переждать дневной зной, как и советовал Тыкле. Укрылся одеялом, которое уже сослужило верную службу в виде пончо, и задремал. Ноги гудели от усталости, перед глазами всё поплыло и пришёл сон.

А возле оазиса, в котором обитал свободнорожденный Зыба, спешился всадник – слез с трехгорбого верблюда, размотал покрывала, открыв юное безусое лицо, и пересёк границу песка, ступив на смятую траву. Обошел весь оазис, настороженно озираясь по сторонам. Заслышав тихое журчание ручейка, которому оазис и обязан был своим существованием, всадник поспешил на звук. Признаки чьего-либо существования исчезли. Все, что было деревянного – порублено в щепы; водоем, который устроил Зыба, засыпан. Всадник покачал головой, потом слышал непривычные звуки, еще больше насторожился. Отправившись на звук, обнаружил полянку среди почти непроходимых кустов, на которой валялись разрозненные металлические, стеклянные и деревянные части. От разноголосого тиканья часов, растоптанных и почти полностью разломанных, блестящими пятнами покрывавшими вытоптанную траву, пробирала дрожь. Большие часы, с коленчатыми деревянными ходулями, конвульсивно пытались подняться, но им никак это не удавалось. А неподалеку прильнув в последнем объятии к потемневшему от пролитой крови стволу, лежало тело. Всадник перевернул его лицом вверх и ужаснулся – у трупа не было лица, оно было содрано до костей, в височной кости зияла дыра размером с кулак, в которой отмеряли последние мгновения небольшие часы с покореженной деревянной крышкой.

Всаднику пришлось вернуться к верблуду и взять небольшую лопату, бросить оскверненного мертвеца он не мог. Вернувшись на полянку, омыл, как смог, покалеченное тело, вспоминая слова отца: «Провожая незнакомца в последний путь, относись к нему так, словно он твой лучший друг или ближайший кровник. И надейся, что если тебе придется лежать непогребенному, не дай того Торг, найдется тот, что и тебя проводит также». На глаза навернулись слезы, воспоминания всколыхнули боль, что затаилась в потаенных уголках сердца. Но скорбеть было не время поэтому, омыв и поправив одежду на умершем, всадник укрыл ему то, что было лицом, чтобы земля не коснулась запекшихся ран. Перед этим пришлось достать из раны часы, которые, наконец, прекратили свое негромкое судорожное тиканье. Часы юноша положил на тело, перед тем, как решил засыпать могилу. Прощальных речей ему говорить еще не приходилось, поэтому он лишь мысленно попрощался с покойником. Вскоре вырос небольшой могильный холмик, и юноша отступил на шаг, проверяя, все ли сделано. Но безымянная могила без опознавательных знаков казалась незаконченной. Юноша собрал все части часов – стеклянные, металлические и деревянные – и обложил холмик. Могила сразу стала выглядеть

такой, солидной, что ли. Выбрался с поляны туда, где журчал ручеек. Расчистил его, как смог, пришлось подождать, чтобы ил осел, и вода стала пригодной для питья. Набрал воды, намочил тряпки, которыми вновь укутал голову, напоил верблюда и, взгромоздившись на него, покинул оазис.

Вальд проснулся, когда небесный Прим коснулся горизонта, потому что затекла рука и со страшной силой хотелось отлить. Разминая руки, отошел за дерево и облегчился. До темноты оставалось еще немного времени, поэтому решил не жевать на ходу, а отдохнуть, а потом постараться за ночь пройти как можно дальше. За водой пришлось лезть на дерево, повезло еще, что оно невысокое. Напился прямо из ствола, бережливо полил на голову, сон отступил. Спустился вниз, набрав воды. Уселся спиной к стволу и принялся жевать, доставая из мешка то, что попадалось под руку, добрым словом вспоминая Зыбу Тыкле, так вовремя встретившемуся на пути. Доставая очередной кусок, слышал тихое шуршание песка и почувствовал едва заметное движение воздуха неподалеку. Потом Вальд услышал, как кто-то идет к нему – с подветренной стороны. Не поворачивая головы, астроном уже знал, кто пожаловал:

– Привет.

Всадник, прибывший на верблюде, кивком ответил на приветствие, снимая с головы тряпки.

Вальд продолжил:

– А ты как это тут оказался и почему один?

Бардем, а это был он, ответил не сразу. Сначала напоил верблюда, потом, усевшись рядом с астрономом, заговорил:

– Мы виноваты перед тобой.

– Карта?

– Да, карта. Но пойми, отец не хотел тебя обманывать преднамеренно. Ему пришлось это сделать.

– Ага, и он теперь так стыдится, что даже сам не решился приехать и отправил тебя. Ах да, он же должен охранять Торговище. Вот я чудило, забыл совсем.

Бардем опустил голову, втянул ее в плечи:

– Ты вправе так говорить. Наша семья, пусть невольно, но нарушила законы гостеприимства. Но выслушай меня, прошу тебя!

– Говори.

– Хрон похитил Зидони-Полденьги. Отец перед смертью сказал, что карта неверна. Мой отец мертв! Понимаешь! Мертв... И мать отправила меня к тебе, я должен быть при тебе до тех пор, пока не искуплю свою вину.

– А как ты узнаешь, что искупил?

– Ну, не знаю. Может быть, ты скажешь? Или я почувствую свободу особенную какую.

– А. Ну тогда оставайся. Мне помощник сейчас не помешает.

Щеки Бардема слегка покраснели:

– А Стела где?

– Ее крамсоны украли. Мне по голове досталось и, если бы не подоспел старик один, в оазисе свободнорожденный живет, там, в песках и загнулся бы. Он меня спас, подлечил и в дорогу собрал. И карту вашу исправил.

– У старика еще была полянка с часами?

– Почему была? Я их ему починил, время поверял. Сломалось там что-то?

– Да нет. Старик тот мертв. Я своими руками похоронил его, только имени не знал. Часы все переломаны, я ими могилку обложил. Ручей едва пробивался – его засыпать пытались.

Бардем не стал рассказывать, в каком именно виде он нашел старика – язык не повернулся. Вальд помолчал, стиснул лишь зубы так, что желваки выступили под загорелой кожей.

– И его тоже. Теперь и его нет.

Помолчали. Вальд вздохнул сквозь стиснутые зубы, резко, со свистом выдохнул:

– Ну, пора выходить. До Крамбара осталось дня два пути.

– Забирайся на Бурю, а я поеду сзади.

Вальд замялся:

– Нет уж, лучше ты впереди садись. Я на верблюдах ездил всего один раз, да и то не помню, как это было. Я маленький совсем еще был.

Бардем как-то по-новому взглянул на астронома, словно только сейчас осознав, что они – почти ровесники, смутился, буркнул себе под нос что-то и взлетел в первое седло. Развернулся, переложил сумки, расправил второе седло. Вальд забрался на Бурю не так шустро, как купец, да и усаживался долго, смущенно сопя. Верблюд поднялся с колен, громко и противно заревев.

Начало совместного путешествия омрачила неловкое молчание, что возникло между купцом и астрономом. Вокруг до самого горизонта расстилались пески смертоносной Крогли, ярко освещенные ночными светилами. Ночной свет изменил пустыню до неузнаваемости – высокие барханы казались черными волнами, застывшими в тишине. Слышался лишь шорох песчинок под могучими ногами верблюда, несшего путников сквозь пески неспешным аллюром. Когда наступила полночь, остановились перекусить, а потом понеслись дальше, навстречу ночному свету.

Глава 6. Редкий товар

В сухом воздухе Крогли явно чувствовался запах морской соли – скоро, совсем скоро покажется Большой океан, неумоимо катящий свои волны на песчаный берег. Де Аастр и Пергани достигли последнего оазиса, где остановились на днёвку. Вальд с грустью обошёл весь маленький оазис, с грустью вспомнив старика Тыкле и его часы. Здесь никаких встреч и никаких чудес не предвиделось, да и не случилось. Набрали воды, вздремнули, и, когда серые сумерки приглушили яростные лучи светил, двинулись дальше. До Крамбара остался день пути. Бардем поинтересовался, где они начнут поиски Стелы. Вальд задумался ненадолго:

– А я думал, ты что-нибудь предложишь. Ты же купец, путешественник и переговорщик, ты и с Дикими всякими общался. А я ни обычаев, ни языка их не знаю.

– Ну, да. Так-то оно так, но... Я и путешествовал и договаривался – только вот мне сейчас продать им нечего. Язык их я знаю, тут проблем нет. Но вот с ними договориться будет достаточно трудно. Верблюд им не нужен, карта наша – тоже. Если мы не придумаем, чем их удивить – говорить будет попросту не о чем, нас даже за городские ворота не пустят. И стоять мы будем дороже мертвыми – крамсоны гостей не жалуют, или в рабы к ним попадем – тоже удовольствие невеликое.

– Ты так говоришь, как будто они не подчиняются никаким законам. У них кодекса крамсонов никакого случаев нет?

Бардем усмехнулся, только усмешка та была скорее горькой:

– Ага, есть у них «законы империи». Вся империя – это Крамбар. Но для крамсонов и этого достаточно.

– Ну вот. Если есть законы – значит и про иноземцев там должно быть что-то. Не всех же они продают и убивают?

– Нет, не всех. Продают только тех, кто имеет цену. А остальных убивают.

– А посольства других стран у них есть?

– Посольства Мира точно нет, уж можешь мне поверить. Я бы знал.

– Мда. И что мы им продадим?

Бардем почесал затылок, сдвинув тряпки, которыми с наступлением рассвета замотал голову, набок:

– Эээ, есть у меня предложение. Но ты можешь не согласиться.

– Почему это?

– Э. Ну я могу тебя продать. Ты – достаточная редкость на Зории. Сколько, говоришь, вас осталось? Астрономов твоего возраста?

– Двое – я и Кир. А женщин и того меньше. Ха! Ты здорово это придумал!

Бардем замылся:

– Вот уж не думал, что тебе придется эта идея по вкусу.

– Ты сам не понимаешь, что придумал! Пленников, есть такая вероятность, могут держать где-то в одном месте. Вот Крамбар этот – он больше Блангорры?

– Нет. Такой же, наверное, даже чуток поменьше.

– А у тебя есть там знакомцы, которым ты можешь довериться?

– Если купцы мирские будут с торгов, тогда – да. А! Вспомнил! Мне отец говорил, что во всех более-менее крупных городах ноёны наши должны быть – это старшие купцы в чужестранье.

– Будем надеяться на это. А как ты меня продавать будешь?

– Для начала тебе надо будет товарный вид придать. Мы хотя и не торгуем людьми, но, как и что делать – знаем.

Дневку устраивать было негде, поэтому путники отправились дальше. Вскоре вдалеке показалась неясная дымка, такая, что бывает только от воды. В полдень, когда дневной Прим оказался точно над головами молодых людей, они достигли Вороньего берега. Спешились. Бардем снял свой тюк и предложил искупаться:

– Ты хотел товарный вид приобрести? Надо бы тогда для начала пыль и песок Крогли смыть.

Вальд безоговорочно полез в воду – купаться он любил, и уговаривать не надо. Бардем присоединился. Они долго плескались в соленых теплых волнах, отдыхая от жары. Дневной Прим сместился на час, когда купец и астроном выползли на берег. Наскоро перекусив – купание разбудило дикий аппетит – присели возле чахлых невысоких кустов, невесть как выживающих тут среди песков. Бардем рассказал придуманный план. Что он-де идет с запада, купил там у кочевников астронома, кодекс Торга не разрешает приводить невольника в Мир, но и терпеть убытки купец не намерен. Вот кто из крамсонов купит и отпустит молодого астронома – тогда купец имеет полное право помочь тому добраться до Мира. А так, нет, не может. Сказка невесть какая, но другой в запасе не было. Вальду пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить подробности своего пребывания у Диких. Воспоминаний оказалось совсем немного, поэтому решили, что Вальду следует быть молчаливым и высокомерным, так сказать – «последним из рода». Про Кира здесь могли и не знать, поэтому астроному можно быть «единственным из существующих ныне молодых астрономов».

До Крамбара добрались уже в сумерках. Городские ворота были открыты. Бардем прошептал, едва заметно шевеля губами, когда проезжали привратников, внимательно разглядывающих каждого входящего:

– Ворота они не закрывают почти никогда. Только когда объявляют войну какому-нибудь племени, а так – не бояться ничего. И стражники здесь – звери. Не дай Торг им что-то заподозрить – махом уволочут в Красные башни. А тех, кого привратники задерживают – больше никто и никогда не видел.

Уже въезжали в город, уже копыта Бури мягко стукнули по камням, которыми была вымощена привратная площадь, тут-то им и приказали остановиться. Следующие за ними недовольно забурчали, что закат скоро, что ждут всех. Но под недобрым взглядом стражников бурчание моментально стихло. Один из привратников, судя по виду и повадкам – старший офицер – велел спешиться и отойти в сторону. Вальд подумал: «Вот же Хрон ты бери, не хватало нам только этого».

Офицер потянул Бурю за поводья в сторону караулки:

– Кто такие? Что забыли в Крамбаре?

Бардем выпрямился и с достоинством, как положено странствующему купцу неспешно протянул:

– Везу товар на ваш рынок, – и замолк.

– Какой товар? Мирские купцы людьми не торгуют, а больше у тебя ничего нет. Верблюды нам тут не нужны – своих хватает. Или ты не купец, а вор?

Бардем нахмурился:

– Вы хотите опорочить доброе имя мирских купцов? Крамбар может лишиться многих товаров из-за вашей оплошности. Подумайте об этом, прежде чем называть меня, достойного Пергани, вором!

Офицер несколько смешался:

– Я не имел в виду, то есть, мм. Ну, в общем, какой товар вы везете?

– Я везу самого редкого невольника – я спас его от неминуемой смерти, выкупив у диких кочевников. Присмотритесь к его глазам, сразу поймете – это единственный оставшийся в живых астроном. Вы слышали об астрономах?

Офицер буркнул, что все слышали об астрономах, и что не такая уж это редкость – недавно девку из их клана привезли, тоже говорили, что единственная из оставшихся.

Бардем хмыкнул:

– Вот чудак-человек. Это же открывает крамсонам широкие перспективы, с этим я и еду: вы можете вновь открыть Зории астрономов – только они будут собственностью Крамбара.

– А купцы кроме денег и товара о чем-то еще думают?

– Смотря какие деньги и какой товар, – парировал Бардем.

– Проезжай, твои кровники обосновались в Купеческом доме, рядом с невольничьим рынком. Найдешь?

– Да, конечно. А еще офицер, а кому принадлежит та девка, про которую вы говорили?

– Что, запало тебе в душонку развести астрономов в неволе? Покажи купцу прибыль и он забудет про Кодекс? – хохотнул привратник, – Она принадлежит бухану Эрику. Если он ее не сбавил никуда или кнутах не засек – больно строптива она, говорят.

– Премного благодарен за информацию, – Бардем достал из кармана монету и вручил привратнику, – купцы всегда платят за услуги.

До Купеческого дома добрались быстро, не плутая. Хотя Бардем сознался, что никогда раньше не бывал в Крамбаре. Вальду пришлось идти пешком, сохраняя горделиво-мрачный вид, чтобы подтвердить рассказанную возле ворот сказку. В доме Торга царила деловая суета – вроде все бегали почём зря и куда попало, но никто ни на кого не наткнулся, не слышно было ругани и споров. Кастыря здесь у купцов не было, был «ноён» – купец, который занимался тем, чем обычно в Мире занимаются кастыри. Бардем прошел к ноёну, ведя за собой мнимого пленника. Приходилось остерегаться и здесь – слишком много чужаков сновало по лестницам и этажам здания. Бардем ухитрился придать себе самый что ни на есть почтенный вид, пока молодые люди поднимались по лестнице. На них оглядывались идущие мимо купцы – кто с недоумением, кто с подозрением. Молодой купец, с трудом протолкавшись сквозь толпу, представился местному главе купцов, Эктору Розенпорту, что приходился дальней родней давней знакомой Вальда, Мирре.

Эктору приходилось в Крамбаре несладко. С одной стороны – богатейший порт, в который стекались богатства заокеев, всезорийский невольничий рынок привлекал всех интересующихся живым товаром, крамсоны же и гости Крамбара покупали всё, что привозилось из Мира. Но, с другой стороны – странное законоуложение так называемой Крамбарской империи, которое может на корню загубить и торговлю и деловые переговоры – лишь возникни у крамсонов подозрение, что собираешься как-то навредить империи – и всё. Можешь молиться Торгу, Приму, любым богам, даже поклониться Красной башне Крамбара, в которой обитает их живое божество – император Олаф Синксит Благословенный Всевышний – ничего не поможет. Во имя императора уведут туда, откуда никто не возвращался, а имущество конфискуют в пользу империи – и все. Был человек – и нету. Купцы были очень осторожны, стараясь не потерять рынок. Каста торговых людей очень тщательно выбирала старших представителей для иностранных дел. И Эктор был назначен давно, по рекомендации блангоррского кастыря, что занимал пост тогда, еще до того, как сбылось пророчество. Прожив в Крамбаре столько новолетий, он стал лучше понимать местных, которым хотелось жить не хуже, чем остальным, но над ними всегда нависала пята императора, что мог раздавить любого крамсона. Выживали те, что приспособливались лучше – лгали, предавали, доносили даже на близких. Друзей не было практически ни у кого, так, знакомые. Максимум на что мог претендовать крамсон, даже если спасал кому-то жизнь – что само по себе событие незаурядное – это на звание близкого знакомого. И нередко спасенный предавал своего спасителя – просто потому, что не верил в то, что спасение случилось от чистого сердца. И частенько оказывался прав. В Крамбаре царила мрачная обстановка, в воздухе словно витала липкая пелена страха и недоверия.

И вот в этот город явились Бардем и Вальд – истинные сыны своих каст и достойные дети Мира. Бардем вошел к старшему первым:

– Здравствовать и процветать от новолетья к новолетью! Достопочтенного Розенпорта приветствует достопочтенный Пергани Бардем.

– И вам здравствовать и процветать, достопочтенный. Что привело вас на Вороний берег? Вы же из тех Пергани, что сейчас являются стражами Торговища? Как поживает ваш батюшка?

– Все так, достопочтенный. Да, я сын Азеля Пергани, он, к сожалению, покинул нас, отправившись к праотцам, на луга Семерки. Ныне Торговище охраняют мои братья и матушка, что безутешна во вдовстве. Я отправлен же сюда, чтобы продать вот эту редкую «птицу» – юноша из касты астрономов.

– Побойтесь кодекса, молодой человек! – ноён несколько понизил голос, изменившись в лице.

– Кодексу и подчиняюсь. Этот астроном был выкуплен у кочевников в очень плачевном состоянии. Мы его выходили и теперь, в связи с смертью отца, вынуждены продавать его – расходы на содержание закрытого Торговища велики, а до Блангорры далеко. Так что я действую по кодексу.

– Мда, не думал я, что доживу до таких дней, когда мирянин будет продавать мирянина.

Вальд, до этого момента упорно не поднимавший глаз и не проронивший ни слова, выпрямился, скинув личину мрачного и упрямого невольника, улыбнулся и подмигнул Розенпорту. Ноён на миг остолбенел от неожиданности. Но быстро включился в игру, мгновенно приняв ее условия, не задумываясь о причинах.

– Ну что ж. Хоть это и против моих убеждений, но Торг есть Торг. Утром откроется всезорийская невольничья ярмарка, там можешь попытаться счастья. И если он, действительно редкость, можешь окупить все свои расходы и в прибыли остаться.

– От привратной стражи я слышал, что в Крамбаре есть еще девушка, его кровница. Я бы хотел как-то объединиться с ее хозяином и попробовать продать их в паре – можно запросить гораздо дороже.

– Эээ, – замялся Розенпорт, – Видишь ли, достопочтенный, девушка действительно здесь. Она – собственность бухана Эрика Краусса, а он очень не любит расставаться со своими игрушками.

– А выкупить ее нельзя?

– Ты располагаешь такой суммой? За нее предлагали совершенно сумасшедшие деньги, но Краусс отказался.

Бардем почесал лоб, задумавшись:

– А если предложить бухану купить этого? Пусть у него будет пара. Мне какая разница, кто будет покупателем.

– Интересное предложение. Вы далеко пойдете, молодой человек, – ноён снова перешел на «вы», – Но бухан Краусс несколько прижимист, и больше любит получать в дар, чем покупать. Тем более у нас – купцы в Крамбаре почти бесправны. И опасайтесь – ваш товар могут попросту конфисковать, и хорошо, если вы сами останетесь свободны.

– Что ж, я готов рискнуть.

– Если вы готовы, тогда я могу завтра поутру представить вас Крауссу, а уж как пройдут переговоры – все в ваших руках. Вам есть, где переночевать?

– Нет, достопочтенный. Я так спешил к вам, что еще не успел устроиться на ночлег.

– Приглашаю вас и вашего, мм, знакомого, быть сегодня моими гостями. В сумерках торговля в Крамбаре затихает, и мы сможем проследовать в мои покои – я снимаю небольшой симпатичный домик здесь неподалеку, на площади Блохи.

– Какое забавное название для площади.

– Крамсоны, придумавшие это название, и сами достаточно забавный народ.

Глава 7. Торг уместен

Стела очнулась от тяжелого сна. Каждый раз при пробуждении ей приходилось вновь и вновь напоминать себе, что она в плену, в плену у крамсонов. Ей, привыкшей к вольнице широких степей, к свежему ветру, отвели тесную комнатку почти на самом верху башни бухана Эрика Краусса. Комната, с плотно завешанными темно-бордовыми шторами узкими окнами, стены которой затянуты тяжелыми фиолетовыми шелками, душила насыщенными ароматами благовоний, заставляя забывать о воле, свободе, которых она не была лишена даже в те времена, когда жила среди менгрелов. Колышущиеся на едва заметном сквозняке шторы словно шептали о покорности, о бессилии. День за днем Стеле приходилось бороться с этими шепотками, с покорностью до глаз укрытых служанок, что приносили еду, мыли, невзирая на ее бурные поначалу протесты – она брыкалась, отбивалась, кричала, что вполне может управиться сама, чтобы они не прикасались к ней, но где там – одевали, прибирали комнату, сопровождали на короткие ежедневные прогулки по внутреннему дворику. Бухан оказался рачительным хозяином – он никогда не бил своих пленников, особенно тех, на которых он рассчитывал изрядно нажиться. В этот раз его людям, напавшим в песках на парочку одиноких путников, несказанно повезло. Они привезли эту девушку, которая и в бессознательном состоянии была хороша. А когда ее привели в чувство, она взвилась, словно кагира, кинувшись с голыми руками на первого, кто попался ей на глаза, выказав поистине дикий темперамент. Бухан, увидевший в этот момент ее глаза, мысленно поздравил себя с ценным приобретением. Потому как такие глаза он видел до этого только раз в жизни и знал им истинную цену. По слухам, до сих пор будоражащим Зорию, в живых осталось лишь две женщины клана астрономов, но они недостижимы для любых рук, жаждущих наживы. А эта, невесть откуда взявшаяся, была истинной дочерью звездочетов. О, ее глаза! Эрик утонул в их глубине, едва заглянув в сияющее в них пламя. Но все остальное его не прельщало совершенно. Бухан Краусс не любил женщин, предпочитая их мужчинам. И, если бы эти глаза горели на лице мужчины-астронома, этот мужчина имел бы все шансы на то, чтобы стать особым гостем бухана. С этой же рыжей кошкой повелел обращаться бережно, откормить, отмыть, надушить благовониями, сломить, чтобы и не помышляла о побеге. А потом продать, но не здесь и не сейчас – ярмарка рабов, что проходила сейчас в Крамбаре, совершенно не подходила для такого рода сделки. Бухан хотел предложить свой редкостный товар Всевышнему Олафу Благословенному, что был охоч до таких редкостей. Но предоставлять императору строптивницу – неет, бухан слишком дорожил своей головой и репутацией, чтобы пойти на такое...

Сегодняшнее утро для Стелы не отличалось от других. Чтобы не поддаться притупляющей череде одинаковых дней, она начала рисовать палочки на тыльной стороне прикроватного столика, той, что всегда повернута к стене. Нынче проснувшись, насчитала уже пятьдесят черточек, вспомнила про Вальда, где и что поделывает ее бывший попутчик. Да и жив ли он вообще. Насколько она могла помнить – перед тем как ее голову засунули в темный мешок – Вальда крепко приложили по голове, и он упал на горячий песок. Смогла ли пустыня добить его, если не смогли этого крамсоны... Через несколько мгновений после того как она проснулась, двери приоткрылись, пропуская ее служанок. Несмотря на то, что девушка невольно располагала к себе, ей до сих пор не удалось узнать даже имён своих помощниц. Они никогда не говорили, знаками показывая, что они ожидают от неё, всегда были послушны, не перечили ни в чем, даже если она, распалившись, начинала браниться, как уличная торговка. Но, если Стела просила о чем-либо, что выполнить служанки не могли – они просто проводили руками снизу вверх, что означало отказ. И всегда приходили почти сразу после того, как пленница просыпалась – следили за ней, что ли. Хотя, если бы следили, знали бы и про отметины на крышке столика. А может и знали, только какой им от этого вред – что-то пишет, ну и себе

пусть пишет, лишь бы съедала то, что они приносили, купалась, гуляла и не перечила. Стела с улыбкой вспоминала первые дни заточения, когда она кидала в служанок подушки, выкидывала еду в купальню, наполненную благоухающей сладкими ароматами водой, как попыталась прыгнуть вниз из окна, когда ей удалось распутать многочисленные шторы, закрывавшие свежему воздуху путь в комнату. Это был единственный раз, когда ей удалось выглянуть наружу – и она увидела с высоты башни весь пресловутый город-империю Крамбар, и пламенеющие вдали Красные башни – те самые, к которым им надо было добраться. С этого дня она решила затаиться – пока она одна, шансов на побег не было. И пока она в этой крауссовской башне – шансов тоже нет. Оставалось лишь дожидаться удобного случая и там уж не тормозить.

И ожидание не затянулось. Бухан посчитал, что пленница достаточно приручена, чтобы показать ее очам Всевышнего Олафа. Сегодня после обеда Эрик собирался в Красную башню, с вечера испросив аудиенцию. Бухан припас много всяческих редкостей, включая мирское ущельское вино, горючую черную вязкую жидкость, что выменял у менгрелов, драгоценные ткани из далеких стран, пряности, драгоценности и, конечно, главное его сокровище – эта рыжая. С утра сразу после завтрака ожидался этот купеческий ноён, который может добавить редкостей в коллекцию бухана. А Олаф Благословенный не забывает тех, кто приносит ему радость обладания такими редкостями.

Ноён Розенпорт прибыл вовремя. Купцы всегда ценили свое и чужое время, отличаясь редкостной пунктуальностью. Бухан еще находился за столом, заканчивая завтрак, когда доложили о приходе ноёна. Розенпорт вошёл, как всегда стремительно, полы легкого плаща развевались, навевая прохладу. В покоях бухана было тепло. Эрик любил, когда тепло, заставляя гостей париться в уличных одеждах – снять плащи он никогда и никому не предлагал. Вместе с ноёном пришли двое – молодые люди, один из них явный кровник Розенпорта, молодой, привлекательный, но такой купец, что видно издалека, а второй поднял на миг глаза – взглянув на него, бухан замер. «Олаф Всемогуший, те же глаза, что и у рыжей! А сложен как! Рыжую – императору, а этого себе оставляю, сколько бы за него не просили!» – пронеслось в мыслях Краусса. Кровь бросилась бухану в лицо, руки вспотели от подступившего неотвязного желания подойти к жемчужноглазому юноше, который стоял, потупив взор, и убедиться в его реальности.

– Бухану Эрику здравствовать и процветать! Всевышнему Олафу бесконечности новолетий! – приветствовал Эктор хозяина башни.

– И достопочтенному здравствовать и процветать! Всевышнему – бесконечности! – ответствовал бухан, – Прошу, проходите, можете снять одеяния, здесь тепло. Я люблю, когда тепло, знаете ли.

«Я должен увидеть его без этих тряпок» – подумалось Крауссу.

Ноён сделал себе зарубочку в мыслях: неслыханное дело – бухан Краусс предложил-таки раздеться. Пристальное наблюдение за Эриком дало свои плоды – бухан был как-то странно возбужден, чуть ли руки не потирает, лоб покрылся бисеринками пота, хотя тепло-то любит. Сначала купец подумал, что бухан предвкушает будущий визит в Красную башню, но потом решил, что кроется тут что-то другое. И продолжил наблюдение. Гости сняли плащи, которые немедленно были унесены куда-то. Бухан предложил присесть и сообщить, какое дело привело столь достопочтенных гостей. Ноён представил кровника. Пергани раскланялся со всей почтительностью, которую только мог изыскать в своем сердце. Потому как Бардему пришлось очень постараться, чтобы не рассмеяться, глядя на высокого, высохшего, словно те деревья, что им пришлось наблюдать в песках Крогли, сластолюбца. Молодой купец безошибочно разгадал в бухане «спинолюбителя», так в Мире называли тех, что предпочитали для секса лиц своего пола, потому как самому приходилось из-за смазливости, мускулистой фигуры и молодости частенько отбиваться от предложений таких типов. «И к этому господину попадет Вальд –

интересно, а ему приходилось бывать в таких ситуациях?» – подумал Бардем, расшаркиваясь и соображая, что ноён, похоже, не догадывается о предпочтениях бухана.

– Бухану Эрику здравствовать и процветать от новолетья к новолетью! Всевышнему Олафу бесконечности новолетий!

– И вам здравствовать, достопочтенный Пергани. Всевышнему – бесконечности! Вы хотели предложить мне нечто?

Бардем рассказал, как его семья выкупила у Диких умирающего юношу, как заботились о нем, помогая выкарабкаться после тяжелого случая пустынной лихорадки, как изрядно потратились на выкуп, лечение и содержание. Понизив голос, поведал, что семья Пергани сейчас переживает не самые лучшие времена, неся почетную вахту – охраняя пустующее в эти сезоны Торговище – и как велики затраты. Говорил и говорил, то повышая, то понижая голос, который начал сдавать, несмотря на купеческую привычку к многочасовым переговорам – дорога через пески хрон знает что делает с горлом. Бухан слушал, не перебив ни разу, что само по себе было добрым знаком. Бухан был крайне нетерпелив и любил слушать себя, любимого, и редко позволял гостям – особенно таким незначительным гостям – говорить столь странно и долго. Бардем подошел к последней части своего повествования:

– И вот, приехал я в Крамбар, и прослышал, что славному бухану Эрику попала в руки редкая птица – девушка из клана астрономов и решил, что будет лучше, если дети звездочетов будут вместе. Когда и если у них родятся дети – чистокровные астрономы, которые будут стоить очень дорого – клановые умения слабеют, если рождаются полукровки. Продавать их можно будет мирянам. Прим отдаст любые сокровища, чтобы выручить своих младших собратьев из плена, особенно ныне, когда в Мире восстанавливают часовые башни, и астрономов не хватает, и приходится обучать свободнорожденных, которые не смогут в полной мере выполнять все обязанности звездочетов. Я подумываю продать вам этого юношу. Несмотря на то, что мирские купцы не занимаются торговлей людьми – кодекс, в нашем случае, позволяет сделать это. То, что пришло в виде товара, может быть продано как товар, – замолчал, неслышно вздохнул, переводя дух.

И стало заметно, как здесь тихо – особая, глухая тишина подчеркивалась лишь похрипывающим дыханием бухана. Хозяин предложил гостям выпить, кликнув рыжую невольницу и приказав Стеле разлить вино по чашам редкостной красоты. Бухан пытался просчитать ситуацию: получится ли завладеть этим красавцем с жемчужными глазами «за бесплатно» – любимая цена Эрика или придется-таки расплатиться с купцами полновесными монетами.

– А не хотят ли достопочтенные посетить Красную башню? Мне нужно прибыть туда вскоре. Мы с вами не договорили и не обсудили условия сделки. Если я пойду на эту сделку, – ухмыльнулся бухан.

Пергани углом глаза заметил, как ноён показал едва заметный знак отрицания на языке жестов, который купцы издавна использовали на переговорах, чтобы не открывать своих намерений для посторонних и произнес с видимым сожалением:

– Увы, матушка велела выполнить столько поручений, а пребывание мое здесь кратко, поэтому не угодно ли перенести нашу встречу на ближайший день, когда у бухана будет свободное время? – скрыв за витиеватым ответом отказ, и заставляя бухана еще больше возжелать астронома.

– Хорошо, хорошо – я согласен, давайте встретимся завтра поутру. Достопочтенный ноён, вы сможете сопроводить ко мне ваших гостей завтра? И приходите даже раньше – разделите со мной завтрак – мы, крамсоны, очень гостеприимный народ.

Купцы поспешно закивали, торопясь согласиться с этим «бесспорным» заявлением. Откланялись и покинули душевные покои.

Селена смотрела им вслед с едва скрытой тоской, которую не преминул заметить бухан:

– Что ли по кровникам скучаешь, а? – лукаво прищурился, – а хочешь, он тут рядом с тобой жить будет? Вместе и пустые дни коротать легче, ведь так, ясноглазая?

Стела с трудом проглотила ком, появившийся в горле, потом отрицательно покачала головой.

– А! Наша птичка заботится о других, она не хочет, чтобы сородич томился в неволе. Да посуди сама, глупая женщина, купит его, кто попало, из тех, кто деньги считать не привык, и будет дружок твой мыкаться среди чужих, никогда больше не увидит своих кровников. Я знаю, как вас мало на Зории осталось. И ты маяться одна-одинешенька останешься, – о своих планах продать Стелу Всемогущему, Краусс, естественно, умолчал.

Стела молча отвернулась и пошла к лестнице, что вела в ее покои. Бухан взглянул на часы – однако, пора поторапливаться, если дорога голова на плечах, даже выругать эту девицу не успеет, пусть ее идет, потом сочтемся. Оскорбить Олафа Всемогущего опозданием – такой ошибки бухан допустить не мог. Не дожил бы до стольких лет и не нажил бы таких богатств, если бы хоть бы в мыслях допускал такую крамолу. А посему надо было очень поторопиться.

Стела, поднявшись в свои душевные покои, рухнула на подушки, словно обессилев, желая скрыть лицо. Оно бы ее выдало – сил больше не было притворяться, скрывать каждую мысль, которая не соответствовала бы ее нынешнему образу – образу тупой, красивой самки, которая еще не покорила, но, может быть, если хозяин приложит еще немного усилий... Эту роль она себе выбрала для того, чтобы не быть проданной на рынке в самый край Зории, когда поняла, что вырваться не удастся. А мысли сейчас путались, выдавая, то она умеет думать: что придумал Вальд, что с ним произошло такого – стал похож на смазливую тимантю, тьфу. Что тут Пергани делает? Почему продает астронома? Почему купец вообще кого-то продает? Странно все это. Лежала без движения, притворившись спящей, чтобы не тревожили, позволили побыть одной, не видя и не слыша никого из этого ненавистного дворца. Тут даже невольники – подлинные рабы своего господина – лстивые, лживые, стремящиеся урвать кусок послаще и без особых для себя последствий... Думалось: «Мирские купцы стали работоторговцами? Как-то в голове не укладывается»... Вскоре Стела и вправду уснула.

Глава 8. В покоях Благословенного Олафа

В покоях Олафа Синксита Всемогущего и Благословенного не было места ничему легковесному – все монументальное, сработанное на века. Затянутые темно-синими драгоценными тканями стены в зале, предназначенной для приема ближайших сограждан, словно давили на плечи проходящих, заставляя склониться все ниже и ниже перед живым божеством. Божество восседало на громоздком троне, сработанном из цельного бревна дерева гикори, что исчезло почти на всей территории Зории. Лишь искусные имперские садовники-крамсоны смогли вырастить в садах при Красных башнях эти огромные деревья с поразительно твердой древесиной. Подлокотники и изголовье трона украшены резьбой, прославляющей деяния Всемогущего, который осчастливил своих сограждан уже тем, что дышал с ними одним воздухом. Окна занавешены тяжелыми кружевными портьерами, так густо затканными нитями из драгоценных металлов, что практически не пропускали дневной свет в помещение. В зале постоянно горели многочисленные светильники – пылало драгоценное благовонное масло в небольших металлических сосудах, облагораживая воздух, колыхались в теплом воздухе огни бесчисленных ароматических свечей. Неподалеку от трона возвышался стол, сработанный из того же гикори.

На полированной крышке стола грудились свитки – но на них не было государственных документов, карт и всего подобного – там, в изобилии скопились тексты, прославляющие Олафа Всемогущего и Благословенного в страстных молитвах, сладкозвучных стихах, песнях, прославляющей прозе. Олаф вещал, что править он может сам и без всяких бумагулек, потому что он – бог. А богов нужно молить и прославлять, чтобы они не навредили своим смертным подданным. Божество не нуждалось в охране, поэтому в зале не было хирдманнов. Они прятались во многочисленных тайниках, всегда настороже, всегда готовые атаковать – пауки, затаившиеся в норах. У хирдманнов было строжайшее повеление – никогда не убивать нападавших, потому как мертвые не говорят и от них нельзя получить ничего – ни сведений, ни удовольствия. Удовольствия божество ценило превыше всего, понимая, что подданных использовать для таких целей неблагоразумно – могут быстро закончиться, да и править ими будет сложно. А вот иностранцы и мятежники – этих да, этих можно и нужно. Дабы подтвердить репутацию и добыть информацию. Тут уж Благословенный использовал шанс на полную. Получая немыслимые удовольствия при виде заживо сдираемой кожи, хруста ломающихся костей, потоков дымящейся крови, выражения лиц умирающих от мук, от сладкого ощущения всевластия, от которого мутились мысли, и хотелось еще и еще. Палачи Всемогущего все были немые и оскоплены – чтобы их ничего не отвлекало от выполнения «божественных» прихотей.

Всемогущий не желал иметь рядом с собой постоянных спутниц или спутников. Женщин и мужчин, которым приходилось делить ложе с Олафом Благословенным, после кратковременного пребывания рядом с божеством, больше никогда не видели. И никто не знал, что с ними случилось. Красные башни надежно хранили свои секреты. Для крамсонов не было большей чести, если их чад выбирало божество, даже несмотря на дальнейшее исчезновение. Потому что однажды умиротворенный уладами бог может даровать бессмертие тем, кто сможет завоевать его особое расположение. Чтобы найти для Благословенного новую половину, проводились «парады божественных спутников и спутниц», во время которых всем, абсолютно всем женщинам и юношам Крамбара предписывалось: «быть наряженными в прекрасные одежды, подчеркивающие красоту тел, умастить кожу и волосы, двигаться свободно, изучив движения у лучших блудниц». Парад был не так давно, но Олаф уже успел устать от знойной крамсонки, которую выбрал в этот раз. Она привлекла нарядом редкостной роскоши – даже для имперских покоев – белоснежная ткань заткана тончайшими нитями всех драгоценных металлов, о которых только знали в этих местах, и переливалась в лучах светил, создавая иллюзию све-

тящегося облака вокруг владелицы наряда. Лицо и тело – те его части, что не скрывались под одеждами – были сплошь изукрашены мастерски выполненными рисунками. С высоты балкона крамсонка показалась достаточно привлекательной, чтобы украсить собой простыни спальных покоев. Она еще и танцевала так, что мертвый встанет – с бешеной скоростью ритмично вращая бедрами и страстно выписывая руками фигуры какого-то сложного танца.

Когда избранница появилась в спальне, выяснилось, что ее зовут Гудрун, она из зажиточной семьи Лунд. Тех самых, что выкупили в незапамятные времена часть Вороньего берега. Надо сказать, что основным промыслом для семьи Лунд был сбор того, что им давало побережье – будь то косяки рыбы, подплывающей к берегу во время приливов, или обломки кораблекрушений, а то и жертвы кораблекрушений – среди которых находились ценные редкости для невольничьего рынка. Лунды не гнушались ничего – лишь бы приносило доход и славу семье – и были очень рады, когда Всемогущий выбрал одну из женщин семьи в подруги. Гудрун же твердо решила стать для Олафа больше, чем подругой. Божество никогда не собиралось увековечить рядом с собой какую-то из женщин – зачем, когда толпы последовательниц готовы на все, хоть на одну-единственную ночь, лишь бы прикоснуться к Благословенному – авось поделится бессмертием после страстных объятий. Поэтому для Олафа планы его нынешней подруги и ее потуги на постоянство были более, чем забавны, тяготить начали с первого же совместного утра. Обычно после удовлетворения своих потребностей, Олаф Синксит покидал постель подруги и отправлялся в личные покои – возникало какое-то странное чувство – пресыщения, гадливости и отвращения. Но Гудрун сегодня вымотала божество так, что он не смог встать и уснул рядом, вольно раскинувшись на подушках. Фрекен Лунд, свернувшись в ногах божества, решила, что это – очень хороший знак, и принялась размышлять о своем предполагаемом будущем, изредка поглядывая на похрапывающее божество.

Наутро Олаф Благословенный открыл глаза и с недоумением воззрился вокруг – потолок был не тот, огляделся вокруг – да, и комната была не та. В ногах тихонько посапывала его нынешняя подруга. Олаф потянулся, с отвращением разглядывая женщину. Надо же, уснул рядом со смертной, фу-фу-фу. Как её, как же её зовут? В мыслях всплыло – Гудрун, точно, из Лундов. Вот же смертные мерзки по утрам! Лежит, звуки издает какие-то неприятные, дыхание зловонное, вон даже слюни текут из угла рта. Лицо помятое, под глазами – круги темные залегли. Еще и ручкой во сне подергивает, снится видимо что-то, от чего отмахнуться хочется.

Божество встало с кровати, вызвало слуг, которые помогли облачиться в легкое утреннее платье и препроводили для омовения в личные покои. При омовении присутствовал супримхирдманн, который стоял молча, выкатив преданно глаза от усердия. Суприм был назначен на пост недавно, предшественник его скончался – ничто не ново под светилami, в давние времена такой же из первых вернейших псов купился на прекрасные глаза и обещания, что тайлись в этих глазах. Да, печальна была Олафу эта скоропостижная кончина, но, что поделаешь, коли служат ему смертные. Да и смертные эти падки на предательство – ради денег ли, ради тепленького местечка, ради женщин – последнего Всемогущий и вовсе не понимал. Женщина – что это за прелесть такая, что ради нее можно поступиться хоть чем-либо? Вот и предыдущий суприм, ретивый служака во всем остальном, воспылал преступной страстью к предыдущей божественной подруге. Хе, хе – бывало уж. Пришлось расстаться с обоими, благо в Красных башнях всегда есть свободные помещения для таких парочек. И хорошо еще – вовремя глаза ему открыли, он, Олаф, хоть и бессмертен и всемогущ, но не всевидящ. Стоит только отвернуться – и вот вам – те, кто в глаза смотрит и не моргает от усердия, те быстрее всех и скурвливаются. Преданные крамсоны – благо есть еще такие – донесли об измене и – готово! Новый суприм в награду получил должность, изменники казнены. Всевышний доволен – он получил от изменников столько удовольствия, сколько давненько уж не получал. Надоели уж ему крамсоны, но что поделать, коли пришлось возродиться здесь в Империи, в этом теле, с чистой памятью.

Олаф слышал о детях небесной семерки, что проживали в Мире, ему хотелось, чтобы они служили ему. Почему нет – божественные дети смиренно служат божеству, все логично. Они – дети семерки, должны быть не столь скучны и мерзки, в их венах все-таки кровь бессмертных. Олаф давно поджидал случая, чтобы без особых последствий для себя заполучить хотя бы одного из мирян-кровников семерки. А еще он много интересного слышал о Хроне – злобном божестве Мира, властелине времени, темнобородом хозяине хранилищ, предводителе драконьего воинства и прочая и прочая. В Крамбаре не было богов хороших или плохих, там был лишь он – Олаф Синксит Благословенный и Всемогущий, возрождающийся и бессмертный. И очень хотелось Олафу Хрона залучить в подземелья Красных башен – посмотреть, а не сможет ли темное божество доставить неведомых удовольствий. И драконов, драконов – тех в охрану, над хирдманнами поставить, чтобы потеху сотворить – битва драконов и псов имперских, а уж в подвалах драконам цены не будет – и в качестве жертв, и в качестве палачей. Замечтался Олаф о новых подданных и вздрогнул аж, когда суприм осмелился напомнить Всемогущему о послеобеденных визитах.

После обеда ожидался бухан – он всегда умел позабавить Всемогущего, новости его были интересны и свежи, шутки – не избиты, а подарки приносили удовольствие. Даже когда приходилось что-либо покупать у бухана – цена назначалась честная, а товар оказывался необходимым, и Олаф Благословенный потом лишь удивлялся – как раньше-то без этого существовал. А еще бухан Краусс был одним из самых благонадежных граждан Крамбара – с его помощью удалось раскрыть немало заговоров. Частенько божество развлекалось тем, что припугнув бухана, узнавал всякие мелкие и мерзкие страстишки горожан. Посему сегодняшний визит ожидался с нетерпением, Олаф Синксит оставил утренние раздумья о своей неприязни к смертным и отправился в трапезную. Дневные дела затянули императора в свой всегдашний водоворот: моления смертных, слушания, расследования и назначения. Скучно, скучно становилось императору от этих мелких делишек, которые необходимо решать, чтобы смертные подданные не взбунтовались и не перестали служить ему, оставив его ради других богов – их вера являлась залогом силы и бессмертия Олафа Всемогущего.

Бухан появился, как всегда вовремя – ни раньше, ни позже. Словно стоял возле входа и ожидал, когда же наступит его время. Поприветствовал императора почтительно, но без излишнего раболепства:

– Благословенному бесконечности Новолетий!

– Бухану Крауссу здравствовать. С чем пожаловал? Ты так настаивал на визите, что мы уж было заподозрили, что тебе вновь удалось спасти Империю от предателей?

– Благословенный как всегда прав, но сегодня меня привели к Вам и другие помыслы. Памятуя о Вашем желании, которое непреложным должно быть законом для всех крамсонов, том самом, касательно мирских подданных, я изыскал кое-что. Мне удалось заполучить одну редкую редкость, – Краусс замолк, внимательно вглядываясь в непроницаемый лик божества, подумав: «Кто знает – то ли в башни отправят, то ли дальше говорить позволят».

Всемогущий нетерпеливо воззрелся на гостя:

– И?

– Чтобы не разочаровать Вас я принес сегодня многое в дар. За эту же редкость я осмелюсь просить вознаграждение и немалое.

– Не томи, бухан. Ты знаешь, мы нетерпеливы!

– Вся Зория знает о кланах Мира. Вся Зория знает о пропавших женщинах клана астрономов. Мне посчастливилось найти одну из выживших – и она молода и прелестна. Я прошу за нее 1 скип.

Император усмехнулся недобро:

– Ты винцом ущельским или местным крепким случайно с утра не баловался? За девку 1 скип? Да на эти деньги можно корабль со всей командой и оснасткой купить, и один из лучших!

– И все же я осмеливаюсь просить за нее именно столько. Флот Крамбара насчитывает множество разных кораблей. А девица-та – одна на всю Зорию. Я узнавал, в Мире живет еще одна ее кровница, но та – гораздо старше. Да, поговаривали еще об одной, но та загадочным образом пропала с какого-то их торжества. Так что одна из двух существующих это-таки редкость. И стоит соответственно, – бухан старался держаться с достоинством, хотя в мыслях уже попрощался и с имуществом и с жизнью, уже представил себе ту мрачную каморку в подвалах Красных башен, где закончит свои дни, доставляя крайнее удовольствие Благословенному.

Олаф усмехнулся, дернув уголок рта:

– Ты один нам перечить осмеливаешься. И знаешь, как мы любим твои редкости, что и устоять не сможем. Но слышали мы еще и такое – был у тебя поутру ноён мирской, которого ты же, помнится, уговорил не трогать, когда мы хотели его к себе в Красные башни забрать. И ноён тот приходил не один, а с молодыми людьми. Что ты про них мне сможешь рассказать?

В голове у Краусса окончательно помутилось: «Какая сволочь бежит сюда с доносами? Эх пропадать мне в Красных!»

– Ваше Всемогушество! Не прикажите казнить!

– Да не приказываем мы еще ничего. Говори нам, что утаить хотел!

– Нет, не утаить! Вы знаете мою страсть к юношам, а ноён привел с собой своего кровника, который торговал раба. За дорого торговал, я еще ответа не дал. Поэтому и не говорил об этом ничего.

Хорошо. Но мы еще узнали, что торговали тебе юношу-звездочета, как и девица, что ты нам стремишься продать.

Побледневшее лицо бухана, его срывающийся голос, трясущиеся руки – Олаф почувствовал, как улучшилось самочувствие, поднялось настроение, подумалось еще: «Надо будет навесить после подругу эту, Гудрун – даже имя вспомнилось сразу». Страх Краусса был словно живительный источник, именно этого не хватало с самого утра. Божество вспомнил, что он сегодня не был еще в подвалах, что лишь вечером попадет туда, но решил пока не отправлять туда бухана – пока он полезен. Он сегодняшней визит запомнит надолго, и будет приходить всегда с этим паническим ужасом в мыслях. Страх – это так пикантно и так питает!

– Да, Ваше Всемогушество! Да, я не посмел предложить его Вам, пока не узнал, что у него в мыслях, каковы его привычки, здоров ли он.

Император снова дернул уголок рта:

– Стало быть, о нас ты беспокоился. Что же, похвально, похвально. А потом, после всех своих проверок собирался к нам прислать?

Надо отметить, что Олаф Синксит не брезговал и спинолюбством – если юноша был молод и хорош собой – почему нет, удовольствие – прежде всего.

– Да, Всемогуший! Мало того, я хотел предложить Вам еще и такое развлечение. Астрономы, которые вскоре будут у вас, юноша и девушка, находятся в детородном возрасте. Поэтому я предлагаю новый вид торговли – мы будем разводить астрономов. Редкий товар на Зории. Ваше Всемогушество сможет менять их в Мире на детей других кланов, либо просто продавать их Приму. В Мире города восстанавливают, им астрономы крайне нужны – по моим скромным сведениям. И увеличится количество ваших подданных, и среди них-таки будут дети божественной семерки – как вы и высказывали однажды!

Император задумался: да, отправлять Краусса в подвалы было бы неразумно, он еще может принести много пользы, надо лишь попугивать его периодически – вон со страху какие мысли выдает. И ведь он прав, смертный, а полезный. Смотри-ка, как бывает!

– Хорошо, быть по-твоему. Получишь ты скип за девку. Но, смотри, после того, как с молодцем наиграешься – предоставь его мне. И не смей его калечить – он у тебя во временном пользовании.

Настала теперь очередь призадуматься бухану – за юношу сколько просить и не опасно ли об этом сейчас упоминать – и так по краю прошел. Да и не хотел ведь продавать его. Так в гости бы приводил – лишь с девкой побыть, дни можно было высчитать, когда с пользой им встречи устроить. Но вот именно сейчас следовало соглашаться и кивать, чтобы Всемогущий не взбеленился. Он и так сегодня терпением не отличается. На том и порешили – девку прислать завтра к вечеру, а юношу торговать у купцов, обуздать, научить манерам и предоставить после обучения.

Глава 9. Иллюзии и сила красоты

Стела металась в душевной комнате – простыни казались раскаленными, шелк подушек обжигал, но сон не отпускал ее. Привиделись ей страшные и странные места – мрачные, темные и бесконечные коридоры, ведущие в никуда. Стены коридоров, по которым стекают струйки вонючей темной жижи, затканы пыльной паутиной. В углах, там, где темно и сыро, раскачиваются на толстых нитях жирные пауки. Стела бежит по коридорам, не видя выхода. В руках – едва тлеющий факел, и тоскливо и страшно здесь. А потом она со всего разбегу утыкается лицом в пустоту, которая не пускает дальше. Странная, пыльная пустота, которая оборачивается мутным кривым зеркалом. В зеркале и вовсе непонятные вещи происходят. Словно бы показывает оно то, что за ним – как сквозь стекло. И Стела будто бы там – сидит на каменной скамье, прижимая к себе кого-то маленького и испуганного – ребенок какой-то. Ребенок шепчет что-то невнятное, и капает где-то равномерно вода. И в этом капании бесконечном тоже слышится угроза. И что-то летит на нее из глубины коридоров, стремясь забрать этого неведомого ребенка, лица которого не разглядеть. И вот, эта неведомая сущность подлетает к скамье, за которую пытается втиснуться Стела, чтобы спрятаться, затаиться, защитить ребенка. Это нечто – белесое, бесформенное, одно лишь приближение которого сулит неведомый ужас. Капание, негромко слышимое до этого, приближается и видно уже – что кровь это капает, капает со сводов коридорных. Ребенок начинает кричать – негромко, противно, на одной ноте: «АААААААААААА!». Стела шепотом уговаривает его помолчать, но все ближе неведомая тень и громче шлепанье капель на замусоренный пол. И становится страшнее, и заходится сердце от ужаса, и тоже хочется кричать в унисон с ребенком, закрыв глаза. Тень пролетает мимо и чудится, что самое страшное – позади. Стела тормозит ребенка, стремясь разглядеть его лицо, узнать, откуда он, кто он. И видит – это она, Стела, только девочка еще, не больше 10 новолетий ей, и вместо глаз у нее дыры, сочащиеся гноем и сукровицей. И понимает – вот оно, самое страшное.

Стела проснулась от своего крика, села на постели, сердце стремилось выпрыгнуть из-под ребер. Занавеси колыхнулись, и одна из ее надсмотрщиц заглянула в комнату, вопросительно разглядывая девушку. Близился рассвет, и серый сумеречный свет заполнил комнату. Стела успокоила вошедшую, сказав, что приснился страшный сон. Надсмотрщица кивнула и торопливо ушла, чертя руками отвращающие знаки. Крамсоны свято верили в то, что все сны, которые вспоминаются после пробуждения – сбываются. Поэтому страшных снов боялись не меньше, чем попадания в Красные башни. Стела больше не смогла уснуть. Она села на постели, обняв колени и задумалась так, что потеряла счет времени. Ей вспомнилось пребывание среди менгрелов, которые растили ее как свою дочь, первая встреча с кровниками – такая краткая, но такая волнующая. Глаза застилали непрошеные слезы, и нестерпимо хотелось вырваться отсюда – так нестерпимо, что хоть прыгай с башни. Она не заметила, как вошел бухан, который как-то по-новому разглядывал девушку, стоя неподалеку от входа. Ему донесли, что пленнице снился страшный сон, а он, как истинный крамсон, свято верил в силу сновидений, поэтому сейчас радовался, как все складывается. Награда в один скуп за ту, которая может принести несчастье – это более, чем выгодное предложение, даже если он потеряет юношу, на которого положил глаз, даже если придется отдать его императору за просто так – по-любому остается в выигрыше. Краусс постоял-постоял, и решил не тревожить ее раньше времени. Вышел тихо, лишь легонько колыхнулись занавеси выдавали.

Пришел рассвет, развеяв сумрак, ночные кошмары и тяжелые раздумья. Стела приподнялась, разглядывая тот кусочек неба, что виднелся сквозь узенькое оконце в спальне. Небольшие полупрозрачные облачка проносились в высоте, следуя своим путем. Солнц еще не было видно, но их радостный свет заливал уже все вокруг, проникая и в комнату. Появилась слу-

жанка – не та, что приходила ночью, другая, хотя и тоже закутанная до глаз. Они были похожи, отличие было лишь в росте и запахе – повыше, и она пахла по-другому, чем-то горьковатым. Знаками показала, что пора в купальню. Стела покорно пошла – а куда деваться. И так радостей тут маловато, хоть в водичке поплескаться. Стела могла сидеть в купальне подолгу – пока ее не начинали понукать, показывая, что пора-де и честь знать. Так и сегодня девушка намеревалась просидеть в воде до завтрака – лишь бы не возвращаться в душную фиолетовую клетку. Скинула одежды, погрузилась в теплую воду, благоухающую ароматными травами, закрыла глаза. Служанка вознамерилась вымыть Стеле волосы, всю ее велено было привести в блистающий вид. Хозяин нашел покупателя, и приказал приготовить товар. Только служанка набрала в пригоршни жидкость, которой собралась мыть волосы, как в помещении купальни под самым потолком прозвучал едва слышный стон, а потом шелестящим шепотом: «Стела, Стела, Стела, Стела». И затихло вдаль. Служанка побледнела, руками в мыле закрыла лицевую повязку, упала на пол и съежилась рядом с водоемом. Стела открыла глаза – ей было страшно, но все казалось таким нереальным – словно продолжение ночного кошмара. Служанка отняла руки от лица, оставляя мокрые пятна на ткани и, впервые за все время, Стела услышала ее голос – хрипловатый, как у человека, которому редко приходится говорить. Она подбирала слова, чтобы Стеле было понятно:

– Это первое предупреждение тебе. Бойся, бойся снов, приносящих беду, – и убежала, оставив девушку в недоумении.

Стела пожалала плечами – подумаешь, мало ли что может померещиться после вашей духоты. И осталась в купальне, решив, что никакие-такие голоса не смогут помешать ей наслаждаться утренним купанием. Закрыла глаза и вновь погрузилась в воспоминания.

Время шло незаметно, и лишь когда вода в водоеме стала заметно прохладной, Стела встрепенулась. Было как-то слишком тихо, вода становилась еще холоднее с каждым мгновением. Уже не просто прохладная, а обжигающе холодная. Девушка попыталась встать, но что-то мешало. Она присмотрелась – на поверхности воды появилась тончайшая корочка льда. Стела вскочила, напугавшись – как, откуда здесь в самом сердце зорийской жары – не считая Крогли – лед? Руки тряслись и, пока выбиралась из водоема, цепляясь за скользкие стенки, больно ударилась лбом об край. Капли крови, оросившие плитку, устилавшую пол купальни, как ни странно отрезвили и паника отступила. Связала шепот, напугавший служанку, и появившийся лёд – по слухам, это указывало, что темнобородый прошел где-то неподалеку. Стела решила, что они на верном пути – если Он решил появиться и заинтересовался теми, кто его ищет, значит, все они сделали правильно. По сути, она не очень-то верила в ведьмины круговины, она и в семерку не верила – ту, что на небесных полях живет-поживает, ну да, есть какие-то общие предки, от которых кланы унаследовали своё врожденное мастерство – но не более того. А в Крамбаре – тут и вовсе смех, правит городом якобы божество, которое проживает в Красных башнях. Ха-ха – божество – что оно тут делает, в Крамбаре-то? Мест других получше не нашлось? Да и зачем богу – хорошему, ли плохому – да и как рассудить, хорош или плох тот бог? – жить в городе среди смертных? Как найти тот критерий, который разделяет богов на положительных и отрицательных? По тому, какие жертвы приносят последователи? Тут еще интереснее – Прим, помнится, своего сына чуть не умертвил, когда тот пророчество сказал... А то, что Стела слышала про Хрона, лишь разожгло ее любопытство – вроде бы темный бог, владеец хранилищ – для людей, которые при жизни не отличались благочестием, управляет временем... Опять же – а куда тогда будут деваться эти самые грешные люди, если хранилищ не будет? Не совершает ли он благо, управляя всем этим? И кто судил людей тех? Кто может провести ту грань, что отделяет праведников от грешников? Прим или Хрон? Или вся Семерка взвешивает дела мирские? А если их мнения разойдутся? И как же другие народы? Их судят другие боги по другим законам? И куда их грешники деваются после смерти? Если она, Стела, решит уверовать в других божеств – это будет как считаться? С точки

зрения Семерки – вроде как плохо это, вероотступничество. А с точки зрения богов, чьей паствы прибыло – это же благое дело. В общем, запутанно все и непонятно. Конечно, к Хрону у Стелы были и личные счеты – он похитил их кровницу, одну из последних из рода. Поэтому для нее темнобородый был естественным врагом. Поэтому она очень хотела, чтобы слухи оказались правдой, и Хрон появился.

Стела накинула длинный халатик из тонкой ткани, и вышла из купальни. Она впервые шла здесь одна, без сопровождения. Мрачные коридоры что-то напоминали, казались смутно знакомыми. Сначала пришлось подниматься по полустертым каменным ступеням – сколько же существует эта лестница, что ступени так сгладились, от какого количества прошедших ног. Потом, насколько помнила девушка, и как ей подсказывало чутье, надо было идти каждый раз сворачивая в левые коридоры. Она и шла. Только путь показался ей слишком длинным, и время, проведенное в этих бесконечных, таких одинаковых на вид коридорах – слишком долгим. Стела почувствовала, как прохладен здесь воздух – легкая ткань халата не защищала от холода, заставляя ежиться под тонким одеянием.

Стела уже почти бежала, стремясь как можно быстрее выбраться из этих темных коридоров. И вдруг остановилась, как вкопанная, пораженная видом залы, в которую попала. Помещение было округлым, таким большим, что стены и потолок почти скрывались за дымкой. Примерно посередине – более точно определить не удалось – стоял массивный деревянный стул, покрытый куском варварски роскошной тканью: белоснежной, часто затканной тончайшими металлическими нитями драгоценных металлов. Ткань покрывала спинку и сиденье стула, свободными складками касаясь каменного пола. Разглядывая ткань, девушка не сразу заметила того, кто сидел на стуле, безжалостно сминая и пачкая ее. В зале было еще холоднее, чем в коридорах, и Стела почувствовала это сразу, разгоряченная после быстрого шага. Странное оцепенение охватило разум, заставляя сдаться, сесть рядом со стулом на пол, обхватить колени руками и сидеть так вечно, бездумно раскачиваясь из стороны в сторону. Она ущипнула себя за руку, пытаясь очнуться, и потихоньку, бочком-бочком, попыталась обойти стул.

– Приветствую тебя, дочь звездочетов! – низкий голос, такой низкий, что отдавал в хрип, заставил ее подпрыгнуть от неожиданности.

Пригляделась – ну, да, так и есть, он не заставил себя ждать. Словно своими размышлениями о сути богов Стела вызвала его. Ха! Какие ушастые боги, все слышат, все видят – кроме тех преступлений и несправедливости, что творятся во имя богов. Темнобородый, собственной персоной, восседал на стуле. Белоснежная ткань переставала быть таковой, будучи испещрена потеками темно-багровой жидкости, растекавшимися от сидящего. Вроде бы кровь? Стела усмехнулась едва заметно. Да уж, властитель хранилищ выбрал самого что ни на есть неподходящего персонажа для запугивания. Лишь неожиданность появления заставила ее подпрыгнуть, а уж никак не страх перед его сверхъестественными силами.

– И я приветствую тебя, Хрон.

От удивления тот встопорщил свою вовек нечесаную и немытую бороду так, что она торчала словно веник у нерадивой хозяйки – разной длины прутья в разные стороны.

– А ты почему не впадаешь в священный ступор и не льешь слез?

– А ты почему этого не делаешь?

Владыка тьмы фыркнул:

– Перед тобой, что ли? Не слишком ли ты о себе возомнила?

– Выходит не слишком, если ты находишь нужным являться передо мной. И сидишь тут голый, развесив все свои, ммм, – Стела замялась, подыскивая подходящие слова.

Хрон хмыкнул:

– Тебя смущает только это? А как же уважение и страх перед божеством?

– Ну, как бы тебе помягче сказать... Я не очень подхожу для этого.

– Почему же?

– Видишь ли, я сомневаюсь в твоём божественном происхождении. Я слишком долго и часто молила и Семерку – твоих вечных оппонентов и тебя самого. Семерку – умоляла о помощи, тебя – о воздаянии своим врагам. Но были мои мольбы тщетны. И я призадумалась. А так как девица я, к слову, не совсем глупая, додумалась до того, что с твоей точки зрения мне, возможно, так и надо. А что подумала Семерка, я так и не решила. Ну, и сам посуди – как можно пугать человека тем, во что он не верит?

Хрон озадаченно почесал всклокоченную голову, покрутил ей, услышал щелчок, удовлетворенно зажмурился:

– А если я тебе покажу хронилица и души, что заточены там, чтобы получать воздаяние, пока не закончится время их грехов? Если ты увидишь небесные поля Семерки, на которых гуляют праведники и вечно слушаю божественные сказки? Что скажешь ты тогда?

– О! У меня такая куча вопросов, что ты сбежишь! Я спрошу тогда тебя: а как долго длится наказание грешников? И кто отмеряет это время? И откуда у тебя там, где должно быть безвременье – откуда там время? У тебя там есть часы? Такие с будильником? Зазвонил – о! – пора вон того с содранной кожей отпускать. И куда он потом? Его под белы ручки – а если на них кожа содрана, она потом отрастает что ли, он же вроде мертвый? Да и как он может чувствовать боль, если он бесплотен? А небесные поля Семерки – это всегда быть в одном и том же месте и слушать одно и то же? Вот где скучотища-то! Почище твоих хронилищ. Вы может быть, наказания как-то неправильно распределяете? А? И знаешь, уж прости, что я тебе «тыкаю», но как-то не могу по-другому. Я достаточно повидала, пока путешествовала с менгрелами, что меня такими вещами удивить трудновато. У них была трава особенная, которую подбрасывал в костер их шаман, чтобы умиловить своих богов. Так после того костра и не такие видения появлялись. А еще он мог погружать в сны, которые показывали будущее или прошлое. И мог залечивать такие раны, что обычно бывали смертельными. Так что он – бог? Молчишь?

Хрон и вправду молчал, словно собираясь с мыслями. Потом заговорил, медленно, тщательно подбирая слова:

– Видишь ли, в чем-то ты права. В нас – в богов – можно лишь только верить. И лишь от количества твоей веры зависит то, что будет с тобой происходить в дальнейшем. Если у тебя нет веры в богов вообще – тебе придется поверить в себя. И сделать это делом всей твоей жизни. А если ты каким-то образом убедишь следовать за собой кого-то, и они будут верить в твои исключительные качества – ты для них можешь тоже стать божеством. И там решай – стать божеством – светлым ли темным ли. Как Олаф Крамбарский. Или пойти по пути, по которому всегда идут зоряне – быть просто последователями известных им богов. Или есть еще третий путь – ты можешь придумать нового бога, восславить его, и провозгласить его наивысшим и наилучшим, заставляя поверить в это всех, кого будешь встречать на своем пути. Думай, девочка. Выбирай, что есть иллюзия, а что нет. Да, я согласен, таких, как ты, на Зории я не встречал. Но есть много других миров, в которых бывает и не такое.

И исчез. Словно его и не было. Лишь багровые потеки на белом выдавали его недавнее присутствие.

– Постой! – закричала Стела – о самом главном-то она не спросила, где Селена, жива ли она.

Наваждение на этом закончилось, показались знакомые коридоры, и навстречу неслась служанка, что оставила ее в купальне, зачастила шепотом, стараясь успеть до того, как из-за поворота появится тот, кто следовал за ней:

– Госпожа, госпожа, молчите. Молчите про сон, про шепот. Ничего не говорите. Иначе худо будет, – молила невнятно, с прищептывающим акцентом, но на мирском языке – получилось даже забавно, несмотря на невеселую ситуацию: «Каспаша, каспаша, молшите».

Стела кивнула и вовремя. Из-за поворота показались двое быстро идущих хирдманнов, несущих в руках угрожающего вида фламберги, волнообразные клинки которых тускло

отсвечивали в свете факелов, в изобилии натканных по стенам коридоров. Стеле еще подумалось: «А до этого было светло?» Хирдманны подошли – женщины оказались ростом едва им по грудь – одинаковые, словно зерна, крепко взяли обеих под локотки и быстро-быстро повлекли своих невольных спутниц наверх. Молча, только подталкивали на поворотах. Стела вспомнила, что сегодня вроде как купцы должны пожаловать, и, возможно, Вальд придет. А может и останется – тогда, по крайней мере, они будут тут вместе, и можно задуматься, как покинуть эту ловушку, что зовется «Крамбар».

Стелу дотащили до ее комнатухи, тычком посадили на постель и знаком велели ждать. Долго ждать не пришлось – пожаловал сам бухан:

– Что тут у тебя приключилось? Все ж было в порядке?

Стела покачала головой:

– Ничего не случилось. Мышь у вас в купальне. Служанка напугалась и убежала.

– А ты почему не напугалась? Все женщины мышей боятся.

– Я – не все. Мышей не боюсь. Я боялась остаться без купанья. Очень жаркое утро выдалось.

– Молодец, ты становишься рассудительной. Пребывание у меня в гостях идет тебе на пользу.

– В гостях ли? – подчеркнула Стела.

– Конечно в гостях. Такая женщина, как ты, нуждается в роскошной жизни. Ты – драгоценность, и тебе просто жизненно необходима достойная оправа. Я нашел для тебя жилище еще более роскошное, чем у меня – подбоченился горделиво.

– Я смиренно ожидаю ваших распоряжений – поклонилась низко, как кланялись крамсонки, стараясь, чтобы Краусс не заметил ее ехидную ухмылку.

– Я был сегодня у Всемогущего, да пребудет в его жизни бесконечность, и он заинтересовался тобой.

Стелу передернуло, она не поднимала глаз, чтобы этого не было заметно: да уж, поистине Всемогущий. Весь Крамбар трепещет от одного только имени Олафа Синксита – с ужасом и вожделением. Его боятся и вожделеют с одинаковой жадой все мужчины и женщины империи.

– Расскажите мне о вашем Всемогущем? Какой он?

– Он великолепен, прекрасен и поистине всемогущ. Нет такого желания, которое он не может удовлетворить.

– А если я, например, попрошу отпустить меня? – Стела лукаво прищурилась.

– Ты шутишь, девочка? Зачем тебе рисковать собой в песках, жить среди дикарей? Не лучше ли оставаться в изысканных покоях Красных башен среди роскоши и неги?

«Ну да, пока не наскучишь и не попадешь в подвалы ваших пресловутых Красных башен, чтобы последний раз послужить утехой этому вашему «всемогущему», – подумала Стела, она уже достаточно много слышала и поняла из тех разрозненных шепотков, которые доносились до ее покоев.

– Но он же всемогущ, что ему стоит выполнить такое пустячное желание?

– Он не только всемогущ, но премудр, и он ограждает таких неразумных и глупеньких женщин, как ты, от желаний, которые могут принести лишь вред.

Стела снова склонилась, чтобы спрятать огонек, вспыхнувший в ее глазах. Главное, попасть в Красные башни, а там уж она придумает что-нибудь. Может и правда есть эти ведьмины круговины. И они работают так, как нужно ей. Осталось лишь узнать, что же будет с Вальдом.

– Бухан Эрик, а что будет с моим кровником, которого вчера приводили?

– Что, запал он тебе в сердчишко, да ясноглазая? Если столкнусь с купцами, я его куплю. Он будет у меня обучаться манерам. А потом вы встретитесь у Олафа Всемогущего в покоях –

дальнейшие планы бухан озвучивать не стал. Девка спокойная и разумная вроде, но кто ее разберет, как она будет реагировать на их с императором планы.

– Ты сегодня последнюю ночь ночевала в моих покоях. Я пришлю служанок, чтобы они привели тебя в самый что ни на есть сияющий вид. К вечеру ты отправишься в Красные башни, – напустил на себя строгий вид, о цене этого жеста умолчал – рабынь повидал бухан немало, некоторое гордились тем, что за них назначается невиданная цена, и с ними потом сладу никакого не было. Стела снова молча склонилась, кивнув, что поняла.

Бухан порадовался видимому благоразумию и покладистости своей пленницы, но все же держался насторожен – многолетний опыт подсказывал, подозрительно это все. И не такие спокойные бузили, когда им о смене хозяина сообщали. Но, однако, задерживаться здесь тоже было недосуг – надо было приготовить соответствующие туалеты и драгоценности для Стелы – в цену ее входило все это. Ограничь красоту, подчеркнуть достоинства, сотворив из женщины богиню. Бухану пришла в голову мысль: а как отреагирует нынешняя божественная подруга на появление соперницы? Да еще и такой соперницы. Все крамсонки были похожи друг на друга, отличаясь лишь ростом и оттенком кожи, все были темноволосые и темноглазые, тонкие в кости, но с возрастом становились толсты, неповоротливы и сварливы. Нынешняя божественная подруга была из семьи Лундов, которые отличались и среди крамсонов своей несговорчивостью, крайней жадностью, ненавистью к своим врагам. Эта девушка звездочетов – имела все шансы стать фавориткой для божества, а если так – надо постараться сохранить и ее хорошее расположение, предусмотреть возможные опасности, не наживая попутно врагов среди Лундов. Поэтому следовало подготовиться особо тщательно.

А Стела судорожно перебирала варианты, которые помогли бы ей встретиться с Вальдом, или хотя бы передать ему весточку. Оставался лишь один выход: попробовать пробраться на обед. Пожаловали обещанные служанки – не двое тех, которые уже были знакомы, а новенькие, и много их. Болтали что-то на крамсонском, беспрестанно хихикая. Стела решила пока не торопить события, расслабилась в их руках, творивших поистине чудеса. При помощи каких-то травяных паст они заставили кожу стать светлее, волосы приобрели насыщенный оттенок, засияли, словно по ним пробежали лучики светил. Кожу мазали потом еще какими-то кремами, от которых она стала нежнее нежного и начала благоухать незнакомыми ароматами – тяжелыми, сладкими – от которых у девушки заныл в висках. Ногти на руках и ногах обточили и покрыли оранжевым составом, который сначала мерзко пах, но потом высох, став ярким и блестящим. Ногти переливались и подчеркивали изящную форму кистей и ступней. Потом болтушки притихли – вошла еще одна, не так плотно закутанная в темные покрывала. Принесла с собой коробку, в которой чего только не было. Расчески разных форм, щипцы, заколки, гребни, ленты. Посадила Стелу на стул, отвернула от всех зеркал и принялась что-то делать с ее волосами. Девушка не привыкла к тому, чтобы ее волосы были стянуты, и попыталась воспротивиться, но нет – ощутимо получила по затылку массивной расческой и успокоилась. Попросила лишь тех, которые пришли первыми, чтобы позвали бухана. Ну как попросила, повторила несколько раз: «Бухан, бухан» на ломанном крамсонском, одна из девиц и отправилась из комнаты.

Вскоре отодвинулись занавеси, и вошел бухан. Он увидел Стелу – прикрытую простыней, с почти законченной прической – и едва не ахнул, в глазах загорелся алчный огонек: «Надо было больше просить!». Такой красоты он никогда не видел в жизни, несмотря на свой обширный опыт работорговли. Если бы в юности он встретил подобную женщину, не факт, что стал бы Краусс спинолюбом. Та, что причесывала Стелу, была в своем роде гением. Она так искусно уложила волосы, что они выделили лицо, подчеркнув необычные глаза девушки. Чистая, гладкая кожа, чувственные пухлые губы, слегка подкрашенные алой помадой, небольшой прямой носик. Точеная шея, все остальное целомудренно скрыто складками простыни. Бухан не удержался, сорвал ткань. Стела возмущенно подняла на него глаза, прикрываясь

руками. Краусс извинился, укутал девушку вновь – это было ему вообще не свойственно. Велика сила красоты! Бухан уже было собрался уходить, но Стела его остановила. Ее голос вкупе с обновленной внешностью – у бухана мутились мысли.

– Бухан Эрик, позволено ли мне будет присутствовать на обеде с вашими гостями? Я хотела бы попрощаться с кровником. Ведь, возможно, я никогда и никого из своего клана больше не увижу, – ломанный крамсонский исчез, став правильным.

У бухана едва хватило сил кивнуть:

– Только тебе придется прислуживать нам за столом и все это – молча. Ты не произнесешь ни слова, – и он стремглав покинул комнату, пропахшую тревожно-сладким тяжелым ароматом, который теперь навеки становился в его воспоминаниях спаянным с образом Стелы. Изумленные служанки торопливо засобирались, и ушли следом за буханом. Стела осталась одна, все еще укрытая простыней. Теперь и ей стало любопытно – что получилось в итоге таких сложных процедур. Раньше Стела никогда не прибегала к услугам ухаживальщиков, которые умело приводили в порядок мужчин и женщин Мира, тех, которые могли себе это позволить. Менгрелы жили среди песков, зеркалами им служили редкие водоемы, а уж такие сложные процедуры – откуда у кочевников? Чисто женское любопытство повлекло ее к зеркалу. Сдернула простыню и ахнула. Это была одновременно она и не она. Теперь было понятно быстрое согласие бухана – да попроси она еще что-нибудь – даже освободить ее в сей же момент, Краусс был бы рад выполнить ее просьбу. И его бегство стало понятно. Стела еще немного постояла возле зеркала, любуясь собой. Пока не услышала шелест отодвигаемых занавесей. Вошли ее ежедневные служанки, принесли обычное белое платье из какой-то мягкой, слегка поблескивающей, пластичной ткани. В этом платье Стела почувствовала себя более голой, чем была только что перед зеркалом. Оно облегло грудь, поднимая и открывая нежные полуокружия почти до самых сосков, туго стянуло талию, сделав ее еще более тонкой, подчеркнуло бедра и при ходьбе обнимало ягодицы, показывая их совершенную форму. Стела скривилась:

– А вот именно такое платье обязательно?

Служанки спешно закивали, заканчивая туалет. Потом чуть ли не бегом удалились. Пожаловал один из утренних хирдманнов, такой же молчаливый, как и всегда. Он протянул девушке руку, закованную в металлическую рукавицу, и повел ее на последнюю трапезу в доме бухана Краусса.

Глава 10. Слова и искушения

Купцы и Вальд подходили к замку, в котором обитал бухан. Сыны Торга шли не спеша, как и идут люди, знающие себе цену. Вальд же, напротив, семенил позади – всем своим видом показывая, что тяготится своим нахождением здесь. Но вчера, после того, как они спешно покинули «радушного» бухана Краусса, и оказались в том самом домике на площади Блохи, в котором проживал ноён, Вальду и Бардему пришлось услышать о себе немало. Закрыв входную дверь, и плотно занавесив окна, ноён Розенпорт взбеленился:

– Молодые люди! Как не стыдно делать из меня глупца! А если бы я хуже владел собой? Я бы мог выдать вас с головой, проговорившись невзначай!

Молодой Пергани немного смутился, даже не пытаясь отпираться:

– Мы не хотели вмешивать вас в наши дела!

– Эх, вы! Вы в своей глуши у Торговища уже совсем разучились разбираться в людях! Вы видели многих купцов, что предают своих? Да и не своих! Я чуть со стыда не сгорел, услышав вашу байку о том, откуда у вас рабом этот юноша. Я смог бы придумать что-то более правдоподобное!

Вальд попытался заступиться за своего товарища:

– Но позвольте! Времена ныне наступили тяжелые, в Крамбаре очень сложная обстановка – ее заметно даже мне, а я в таких вещах не очень-то разбираюсь. А вдруг вы были бы вынуждены играть на руку местным? И мы не осудили бы вас.

– Нет уж, молодой человек! Увольте уж меня от ваших этих оправданий! Чтобы мирянин предал мирянина, Семи на вас нет!

Бардем убрал какую-то ему одно только видимую пушинку с рукава, шумно вздохнул:

– Извините нас, достопочтенный. Мы не имели никакого права сомневаться в вас. Мы лишь хотели сами все сделать. Мы думали, что обезопасим вас тем, что вы только представите нас бухану. А потом предполагали, что вы устранились от наших дел. Они слишком опасны.

– Думали они, предполагали они, – ноён еще долго кипятился. – И что за «страшные» такие дела заставляют молодого астронома рядиться в образ спинолюбца? Хотя надо признать, достаточно правдоподобно, а купца – торговать этим астрономом, как рабом? И учтите, меня на сказку о кочевниках и болезнях не купите!

Вальд решил:

– Хорошо, хорошо. Если вы хотите знать – так слушайте, услышите всю мою историю. И рассказал все: и о драконах, о разрушенных планах Хрона, о дальнейшей жизни в Мире, о праздновании десятилетия и о похищении матери, о путешествии со Стелой, о семье Пергани, что тоже немало пострадала от козней Хрона. Лучшего слушателя, чем достопочтенный Розенпорт нельзя было и желать – он слушал, не перебивая, не задавая никаких вопросов, чуть подавшись вперед, внимая рассказчику. Дослушав, он предложил перекусить, пока вся эта история будет укладываться в его голове:

– Слуг я отпустил, когда собирался к бухану, поэтому угощу, чем богат.

А богат был нынче ноён отварным мясом пустынных птиц – гагар, что в изобилии гнездятся на Вороньем побережье. Мясо было сварено с пряными травами и приятно на вкус. Еще к птице подал свежие овощи, лепешки, фрукты, вываренные в меду, и большущий чайник ароматного терпкого напитка из местных трав. Вальд и Бардем торопливо насыщались. Достопочтенный Эктор ел неторопливо, маленькими кусочками поглощая пищу, не проронив ни слова во время трапезы. Потом все так же молча, убрал остатки, махнув рукой на предложение помощи.

– Итак, я услышал вашу историю и решил, что она – правдива.

Молодые люди переглянулись. А ноён продолжил:

– И, исходя из этого, могу предложить свою помощь еще раз. Но теперь, я уже знаю, на что я иду. Так что вам нет нужды беспокоиться обо мне. Ваше дело – попасть в Красную башню и найти там то, что вы ищете. А мое дело – подготовить пути отхода. На случай, если у вас что-то не заладится и спешно придется бежать. Олаф шутить не любит – он и по меньшему поводу отправил кучу народа в подвалы. Для него нет большего наслаждения, чем замучить кого-нибудь. Он после таких развлечений становится сильнее. Как-то после особенно удачного для него дня я видел, как он летал над Крамбаром, стремясь внушить своим подданным страх и почтение. Я только не пойму – его еще и вожделем практически все население города, в надежде лишь на бессмертие, которым он может наградить тех, кто был ему мил. Только нет таких бессмертных. Что он с ними творит, я не знаю. И какое он божество – тоже не имею представления. Нет ни книг, ни записей, в которых описывается реальное происхождение Олафа. Я лишь знаю, что правит он очень давно. И, если ты, Вальд, собираешься попасть к нему – будь готов стать настоящим спинолюбом. Сначала ты попадешь в руки бухана Эрика – а он известный на всю империю любитель молодых людей, и я заметил, как он на тебя смотрел. А потом, когда он посчитает, что ты готов, он уступит тебя своему повелителю. И нет ни одного из тех, кто покинул Красные башни после того, как разделил ложе с Благословенным. Из его постели попадают только в подвалы, божество выжимает своих любовников и любовниц в буквальном смысле досуха. Кроме Всемогущего есть еще и вторая опасность. Сейчас в божественных подругах – фрекен Гудрун из семейства Лунд. А семейка эта издавна известна своей кровожадностью. Ныне они задались целью стать вторыми после императора в Крамбаре, и не брезгают ничем в достижении ее. Остальные крамсоны тоже не дремлют – каждый норовит вскарабкаться повыше, откусать послаще и не упустит случая урвать кусок такой, что унести тяжело и бросить жалко. А если заметят, что кто-то урвал больше и лучше – доложат куда следует, чтобы избавиться от этого удачливого сотоварища. На всей Зории закон гостеприимства священен – даже ведьмы, которых вы ищете, соблюдают его. Так говорят те, которые встречали их. Поверьте мне, я исколесил немало дорог перед тем, как меня сюда ноёном прислали. Все, абсолютно все, признают гостя – священным. Кроме крамсонов. Им ничего не стоит приютить гостя, накормить, ночлег предоставить – а наутро продать на невольничьем рынке, или выставить предателем, врагом империи, и тогда получить вознаграждение за выполнение гражданского долга. Так что – судите сами, нужна ли вам помощь в здешней паутине отношений от человека, который уже давненько варится в этом котле. Я вам рассказал лишь малую толику того, что скрыто под личиной внешне благополучного и гостеприимного Крамбара.

Гости, не сговариваясь, кивнули. Много слышали о крамсонах нелестного, но чтобы до такой степени... Было о чем задуматься. И помощь знающего человека будет не лишней.

– Я приготовлю для вас лошадей – тех самых, которым ничего не стоит пройти через Крогли, на которых путешествуют хирдманны. Эти лошади быстрее, чем верблюды, и почти такие же выносливые. Они стоят дороже даже, чем верблюды, но для вас я приведу их. Выведу лошадей за пределы города и спрячу в укромном месте. Запасы еды, воды, одежды и денег будут ждать вас там же. Чтобы не попасться, мне придется доверить перевозку кому-нибудь из мирских купцов. Я слишком на виду, чтобы самому все это готовить. Бухан может организовать слежку только потому, что захочет приобрести Вальда за любимую цену – бесплатно. Это вполне можно устроить, если нынешний «владелец» молодого астронома и тот, кто представил его, окажутся врагами империи. А, кстати, Бардем, ты не сможешь сопровождать своего друга. Тебе придется попрощаться с ним в замке бухана. И если вам суждено встретиться, то – чем тебя не устраивает место, где будут укрыты лошади и припасы? Там ты будешь хоть в какой-то безопасности.

Вальд продолжил:

– Итак, я попадаю к бухану, потом он меня отдает Олафу. Стела должна быть там к этому времени. Мы с ней выбираем время, забираемся на Красную башню, узнаем то, что нам нужно

и быстенько убираемся оттуда. Если нас не будет в течении трех дней, после того, как я попаду к императору, Бардем, ты можешь уезжать без нас. И знаешь, ты свой долг можешь считать отработанным и ехать уже сейчас.

– Я поклялся матери именем Веса и Кодексом, что буду помогать тебе, пока не будет знака от праотцов, так что не тебе меня освобождать от моего обещания.

– Фу ты, ну ты! Какие мы птицы обязательные! Ладно, пусть будет, как будет. А если Торг будет занят и не пришлет тебе знака? Ты за нами и через ведьмины круговины пойдешь?

Бардем кивнул, укоризненно глядя Вальду в глаза. Астроном прекратил свои нападки. Разместились на отдых – ночь покажется слишком короткой тому, кто не проводил ее в мягкой постели так давно.

Наступило утро. И вот теперь пришлось вновь играть свои роли. Пересекли призмковый ров, пройдя по солидному разводному мосту. Вальд едва сдержался, чтобы не вздрогнуть, когда за ними опустилась массивная металлическая решетка и закрылись ворота. Не к месту вспомнился плен у драконов – замки хотя были и разными, но звук закрывающихся ворот навеки впечатался в сознание. Замок бухана охраняли дюжие вояки под предводительством пяти хирдманнов. Как рассказывал ноён, это являлось отличительным признаком богатства и значимости бухана в Крамбаре. Войско Олафа состояло полностью из хирдманнов. Императору подчиняются ярлы, которые призваны следить за выполнением законов империи. Под ярлами ходят лендермены – те, кому позволено собирать после штормов и приливов, что выбрасывает океан, и выращивать на отданных им территориях все, что им заблагорассудится, у них в подчинении рыбаки и пахари. Ярлам формально подчиняются буханы – под этими официально никого нет, но они баснословно богаты. Есть еще суприм, он подчиняется лично Всемогущему.

Бухан Краусс, у которого было аж пять хирдманнов, считался самым богатым среди своего сословия в Крамбаре. И он спешил гостям навстречу, широко раскинув руки, подметая длинными богатыми одедами камни внутреннего двора:

– Бухану Эрику здравствовать и процветать! Всевышнему Олафу бесконечности Новолетий! – приветствовал ноён Эктор хозяина башни.

– И достопочтенному здравствовать и процветать! Всевышнему – бесконечности!

Вальду показалось, что он вновь попал в день вчерашний – те же люди, те же слова – только место другое. Глаза не поднимал – а как же, невольник, тяготится своим положением и все такое. Пока ноён и бухан обменивались приветствиями, Бардем прошептал, едва шевеля губами:

– И ты готов ради матери и кровницы разделить ложе вот с этим?

Бухан, разодетый в утренние одежды, казался похожим на тонконогую паука среди разноцветной паутины. Глазами нет-нет да впериался сладострастно в лицо Вальда. Астроном внутренне содрогнулся от омерзения, незаметно пожал плечами:

– А у нас есть варианты? Да и теперь поздновато передумать, нас тут всех и положат.

Все пятеро хирдманнов выстроились во дворе – бухан хотел показаться своему новому наперснику во всей красе и богатстве. А вчерашний так тщательно продуманный и выверенный план показался нынешним прохладным утром редкостным бредом, приснившимся в пьяной дреме.

Вальд прошептал, стараясь как можно незаметнее двигать губами:

– Слышь, ты бы мне кинжал или хоть ножик какой оставил?

– Тебя обыщут, и обыщут так тщательно, что ты зубочистку с собой не пронесешь. Особенно будут стараться при обыске укромных местечек – думаешь войско и охрана у бухана не спинолюбы? Половина из них – уж точно, как хозяин, он тут иногда такие праздники для «своих» закатывает, что ой да ну – это мне Розенпорт рассказывал. Тут в Крамбаре подобное тянется к подобному...

Вальд едва заметно дернул носом, пожал плечами:

– Ну тогда буду обходиться тем, что придется.

Гости и хозяин вошли в жарко натопленные покои. И вновь бухан предложил снять уличные одежды. Приближался сезон ветров и, хотя на побережье он был мягче, все же приходилось кутаться в теплые плащи. Купцы, астроном и бухан – более, чем странная компания – разделили трапезу. Стол был уже накрыт и встречала их Стела, облаченная в странное платье – она выглядела в нем совершенно обнаженной. Ей же пришлось прислуживать за столом. И молчать, приказано же было молчать.

Разговаривали о пустяках, серьезные разговоры оставив на потом. И вот наступило оно, «потом». Едва слышно ступающие слуги унесли грязную посуду, оставив замысловатый сосуд с дымящимся кафео, бухан предложил опробовать ликеры и вина, которые были собраны со всех частей Зории.

– А вот ваше, ущельское. Пригубите, каков букет!

Вальд едва коснулся бокала, от тяжелого раздевающего взгляда бухана никуда не деться, не отвернуться, не сбежать. В голове лихорадочно мелькали мысли: то ли сразу резануть будущего хозяина, то ли бежать. Не подходило ни то, ни другое. Вальд решил повременить с решением, Стела здесь, может она придумает что-нибудь. Бухан отозвал ноёна и хриплым от вождения голосом завел разговор о деньгах:

– Итак, какова цена? За сколько мирские купцы продают сограждан?

Ноён пожал плечами:

– Это не мой товар, я не могу цену назначать. Позвать вам Пергани?

– Зови, зови.

Подошел Бардем. Краусс задал тот же вопрос и ему.

Пергани, хотя был молод, повидал достаточно покупателей, которые хотят приобрести понравившийся товар во что бы то ни стало: жадный блеск в глазах, трясущиеся руки. Особенно легко узнавал он тех, которые любили выпить лишку или курили запретную траву, или бывали жадны до нежных женских прелестей – в кулинарном смысле этой жадности. Бухан Краусс, как бы ни был он богат и силен здесь, в Крамбаре, подцепил тяжелую болезнь. Его болезнь звалась Вальдом. Бухан твердо решил приобрести астронома, но называть хоть какую-то цену было опасно: занизишь – станет подозревать, зависишь – живым не уйти. Бардем принял решение почти моментально:

– Для вас, достопочтенный бухан, цена этому молодому человеку будет слишком велика: я прошу вашей протекции, когда приеду с караваном в следующее Новолетье. А нынче он обойдется вам в несколько скипов.

Бухан опешил. Он ожидал, что купцы заломят за столь редкостного невольника несусветную цену. Ха, а протекцию, да в следующее Новолетье – Краусс мог пообещать таких услуг сколько угодно, хоть всему клану мирских купцов. Он торопливо кивал, подписывая бумаги. Остаток визита прошел скомкано. Хозяин не скрывал своего желания остаться с новым любимчиком наедине. Стела молчала, глядя куда-то себе под ноги. У Бардем перехватывало дыхание от ее красоты и от ощущения, что их стройный план проваливается куда-то в хранилища. Лишь Розенпорт сохранял спокойствие, изредка потихоньку дергая кровника за одежду, пытаясь привести его в чувство. Вскоре купцы откланялись. Бухан облегченно вздохнув, предложил заходить, не церемонясь.

Появившийся хирдманн проводил купцов до ворот, и низко поклонившись, покинул их.

Бухан же без долгих разговоров, велел Стеле быть готовой отправиться в Красные башни, как только подготовят экипаж. Стела поняла, что утратила над Крауссом всякую власть в тот момент, когда вошел Вальд. Бухан был убежденным спинолюбом. Он вызвал всех ухаживальщиков и, пока Стела поднималась по лестнице и могла слышать о чем ведется разговор, она слушала распоряжения его о подготовке нового любимца к первой ночи. Голоса Вальда слышно

не было. Стела не успела передохнуть после подъема по достаточно крутой лестнице, лишь только прилегла, примяв покрывало, как появился хирдманн. Девушка до сих пор не отличала их друг от друга, они казались совершенно одинаковыми и она никогда не слышала их голосов. Он знаком показал следовать за собой. Стела накинула плащ и устремила за провожатым, оставляя позади ненавистную комнатку на вершине башни.

Вальд огорчился, узнав, что Стела уезжает, а он так и не успел с ней перемолвиться даже словечком, и не успел посвятить ее в ту часть плана, которая зависела от нее. Но ее отъезд все же предоставил астроному передышку. А последующие процедуры даже повеселили. Ухаживальщики тщательно удаляли любую поросль на его теле. Особенно развлекло Вальда, когда им пришлось воевать с растительностью на его ногах. Астроном был достаточно волосат, чтобы привести ухаживальщиков в уныние. Но рано или поздно все заканчивается, окончилась и эта процедура, во время которой он смеялся до слез от щекочущих прикосновений. Потом пришли массажисты, мойщики и много еще других, они занялись телом Вальда, позволив тому тщательно обдумать дальнейшие действия. Тихие шепотки ухаживальщиков натолкнули молодого человека на мысль, что бухан до дрожи в коленях боится императора. Впрочем, как понял Вальд, Олафа Всемогущего бояться все без исключения крамсоны. Боятся и любят, и все поголовно желают забраться в его постель, чтобы урвать свою частицу бессмертия, которой, по слухам, божество может наделить любого. И в голове у Вальда сложился план, как можно избежать сегодняшней ночи с буханом, одна лишь мысль о которой вызывала чувство гадливости и отвращения. Потому как Вальд точно знал, что он не спинолюб – любовных приключений с противоположным полом у него было немного, но это лишь укрепляло юношу в мыслях об одной-единственной, которую он, как истый астроном, будет любить долго и счастливо до самых небесных полей.

Бухан Краусс вернулся из Красных башен после обеденной трапезы. Вальду принесли еду в комнату на вершине башни – ту самую, которую освободила Стела. Сюда, по-видимому, заселяли особых пленников. Вход охраняли двое хирдманнов – новоявленному любимцу не доверяли. Один из хирдманнов как-то странно поглядывал на Вальда, но астроном списал это на то, что охранник, вероятно, ранее был любимцем хозяина и теперь подозрительно относится к новой игрушке. Бухану же пришлось откушать с Всемогушим, осторожно пробуя каждое блюдо – божество иногда развлекалось тем, что подсыпало в кушанья сильнодействующие яды. Для императора любая отравка была не опасна, в отличии от его гостей, которым приходилось несладко.

От совместного приема пищи с Всевышним отказаться не было возможности, но и выжить после этого сложновато. Краусс вернулся взвинченный, лишь мысли о сегодняшнем приобретении и предстоящей ночи поддерживали его во время визита в Красные башни. Даже полученный скип вознаграждения не радовал. Итак, долгий утомительный визит закончился, и бухан вернулся в свой замок. Велел приготовить ванну. Со стоном облегчения забрался в теплую воду в купальне, откинул голову, наслаждаясь ароматной пеной, и вдруг напрягся, вспомнив, что яды бывают и медленного действия. Но потом, постаравшись выкинуть эту мысль из головы, приказал позвать Вальда, решив не дожидаться ночи, и познакомиться со своим новым любимцем прямо сейчас.

Астронома сопровождали оба хирдманна, ему подумалось: «Однако и важная я персона, если меня эти два жлоба ведут, или боятся, что сбегу». Вальд переступил порог купальни, в воздухе которой слоился ароматный пар, полускрывая окружающее неясной дымкой. Юноша еще не видел себя в зеркале полностью, после проведенных процедур. Бухан, не в силах больше сдерживаться, дрожащим от страсти голосом приказал раздеваться. Вальду подумал: «Ну вот, началось», но одежду послушно стянул. Переступил через лежащие на полу тряпки и застыл, словно приглашая полюбоваться собой. А полюбоваться было чем: широкие плечи, красивые, в меру мускулистые руки, крепкий пресс, узкие бедра, длинные поджарые ноги – хорош, ох,

до чего же хорош. Торнвальд де Аастр, один из последних астрономов Зории, встретил свое двадцатое Новолетье не в худшей форме. А для того, чтобы бухан поддался на его игру, нужно было еще больше увлечь этого завязного спинолюбца. Вальд выставил ногу вперед, заставив мышцы по всему телу заиграть, и томно взглянул на своего хозяина. Потом, продолжая игру, опустил глаза и едва не поперхнулся: в лужице воды, пролитой на каменную плитку, он, наконец, увидел отражение своего лица. Да уж, ухаживальщики постарались, зная вкусы Краусса. То, что не теле не осталось ни одной волосинки, это было совершенно не важно. Но вот что они сотворили с лицом – смех, да и только. Они обвели глаза, и без того яркие, чем-то темным, заставляя зрачки светиться собственным светом в неярком свете факелов в купальне. Начисто выбрили щеки, подвели брови и слегка наругали щеки. Вкупе с мускулистым телом смотрелось это так забавно, что Вальд едва не прыснул. Закусил нижнюю губу, пытаясь удержаться от смеха и одновременно придать лицу томное выражение. Бухан задыхался чаще. Вальд решил сбавить темп: «А то старикана удар в горячей воде хватит, потом с кем тут разбираться...» Двинулся к скамье, стоявшей возле водоема, в котором распростерся бухан. Благодаря Семерку, что милосердная пена скрывает худые тела Краусса. Сел на теплый гладкий камень, одну ногу поставил на край скамьи, обнял колено и вновь взглянул на бухана, призвав всю свою выдержку, мечтал солгать так, чтобы бухан поверил – а уж ложь никогда не была сильным оружием в арсенале любого астронома..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.